Преображенский

АНАРХИЗМЪ
и
КОММУНИЗМЪ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕЖС 19
П 875

Россійская коммунистическая партія (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЕЖС 12
П 875

Е. А. Преображенскій.

АНАРХИЗМЪ и КОММУНИЗМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Самодержавно-дворянское государство. 2) Буржуазное государство. 3) Пролетарское государство. 4) Анархисты и пролетарское государство. 5) Хозяйство коммунистическое и хозяйство анархическое. 6) Классовая основа анархизма. 7) Тактика анархистовъ.

Цѣна 2 руб. 30 коп.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ".

Москва, Срѣтенка (уг. Рыбникова пер.), д. 8.
Москва, 2-ой Домъ Совѣтовъ, Театр. площадь.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227-42.
Петроградъ, Литейн. пр., 48.

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, 8 (уг. Рыбн. п.).
Москва, 2-ой домъ Совѣтовъ (Театральная площ.).
Петроградъ, Поварской пер., д. 2. кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.
Петроградъ, Литейный пр., д. 48.

Кн. 1. **И. П. Покровскій.** Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія 10 лѣтъ. 2 р.

Кн. 2. **Исторія соціализма.** Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Бернштейна. Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Ч. I. За обѣ части 7 р.

Кн. 3. **М. С. Александровъ.** Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. 5 р.

Кн. 7. **Петръ Масловъ.** Исторія народнаго хозяйства. 3 р.

Кн. 8. **А. М. Коллонтай.** Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства. 5 р.

Кн. 10. **А. Деборинъ.** Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ предисл. Г. В. Плеханова. 4 р.

Кн. 11. **Вл. Кранихфельдъ.** Въ мірѣ идей и образовъ. 3 р. 50 к.

Кн. 13. **С. Т. Семеновъ.** Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. 3 р.

Кн. 14. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Духоборцы въ Канадскихъ преріяхъ. 3 р.

Кн. 15. **Владимиръ Бончъ Бруевичъ.** Къ исторіи русскаго духоборчества. 3 р.

Кн. 16. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Новый Израиль. 3 р.

Кн. 17. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Среди сектантовъ. 3 р.

Кн. 18. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Изъ міра сектантовъ. 3 р.

Кн. 19. **Фр. Энгельсъ.** Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Перев. съ нѣмецк. И. и Е. Леонтьевыхъ. 3 р.

Кн. 21. **Фр. Лассаль.** Письма Ферд. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. 2 р.

Кн. 22. **Ю. Каменевъ.** О А. И. Герценѣ и М. Г. Чернышевскомъ. 1 р. 50 к.

Кн. 23. **Б. Авиловъ.** Настоящее и будущее народ. хоз. Россіи. 1 р. 25 к.

Кн. 29. **Ю. Стекловъ.** К. Марксъ, его жизнь и дѣятельность. 3 р. 50 к.

Кн. 30. **Подъ старымъ знаменемъ.** Сборникъ статей. 1 р. 50 к.

Кн. 31. **С. О. Загорскій.** Война послѣ мира. 5 р.

Кн. 32. **Ж. Гедъ и П. Лафаргъ.** Программа рабочей партіи, ея основанія и комментаріи къ ней. 1 р. 50 к.

Кн. 33. **И. В. Чернышевъ.** Крестьяне объ общинѣ.

Кн. 34. **И. В. Чернышевъ.** Памятная книжка марксиста. 7 р. 50 к.

Кн. 35. **И. В. Чернышевъ.** Исторія общины въ Россіи.

Кн. 36. **Владимиръ Бончъ Бруевичъ.** Волненія въ войскахъ и военныя тюрьмы. 3 р.

Кн. 37. **Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).** Аграрная программа соціалъ-демократіи въ 1-й русск. революціи 1905—7 г. 4 р.

Кн. 38. **Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).** Изъ исторіи соціалъ-демократ. аграрной программы. (Ст. 1901—6 г.г.). 1 р. 75 к.

Кн. 39. **Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).** Новыя данныя о законѣ развитія капитализма. (Соедин. Шт.). 3 р.

Кн. 40. **Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).** Государство и революція. 2 р. 50 к.

Кн. 41. **Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).** Имперіализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма. 2-е изд. 2 р.

Кн. 42. **Н. Крупская.** Народное образованіе и демократія. 3 р.

Кн. 43. **Ю. Каменевъ.** Борьба за миръ. 2 р.

Кн. 44. **Ю. М. Стекловъ.** Международная политика рабочаго класса. 1 р. 20 к.

Кн. 50. **Мих. Павловичъ (М. Вельтманъ).** Французскій имперализмъ и экономическое развитіе Франціи въ XX столѣтіи. 2 р.

Россійская коммунистическая партія (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Библіотека Обществовѣдѣнія. Кн. 61-ая.

ЕЖ 12
П 875

Е. А. Преображенскій.

АНАРХИЗМЪ и КОММУНИЗМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Самодержавно-дворянское государство. 2) Буржуазное государство. 3) Пролетарское государство. 4) Анархисты и пролетарское государство. 5) Хозяйство коммунистическое и хозяйство анархическое. 6) Классовая основа анархизма. 7) Тактика анархистовъ.

1918 г.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ".

Москва, Срѣтенка (уг. Рыбникова пер.), д. 8.
Москва, 2-ой Домъ Совѣтовъ, Театр. площадь.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227-42.
Петроградъ, Литейн. пр., 43.

2-й экз.

ОРК

ЕЖС12
П875

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)
4898 с.1

8912 (2)
(8)

1062358

Тип. Акц. Общ. «Печатное Искусство», Москва.

Слово «анархія» въ переводѣ съ греческаго языка означаетъ безвластіе. Анархисты, слѣдовательно, это—люди, которые стремятся къ такому общественному строю, гдѣ не будетъ существовать никакой власти, никакого принужденія, гдѣ будетъ царить полная свобода.

Ну, а развѣ большевики-коммунисты, спроситъ иной читатель, развѣ они считаютъ, что полная свобода хуже, чѣмъ жизнь съ принужденіемъ, отъ кого бы оно ни исходило?

Нѣтъ,—отвѣтятъ коммунисты. Полная свобода для человѣка и человѣческаго общества лучше, чѣмъ жизнь съ урѣзанной свободой, чѣмъ необходимость хоть въ чемъ-либо послушать по принужденію и противъ своей воли. Но если спросить, напримѣръ, буржуазнаго либерала, какой окончательный идеалъ либеральной партіи, то и либералъ скажетъ, что полная свобода человѣка и человѣчества является самой благородной цѣлью въ борьбѣ. Выходитъ, что пожеланіе относительно «полной свободы» не дастъ никакой возможности различать коммуниста отъ анархиста, да, кромѣ того, заставляетъ взять въ свою компанію буржуазнаго либерала и вообще всѣхъ людей, партійныхъ ли или безпартійныхъ, которые прекрасно сознаютъ выгоды свободы въ сравненіи съ необходимостью и принужденіемъ.

Надо намъ поэтому искать другихъ пунктовъ, гдѣ бы можно было уловить главное расхожденіе между анархистами и коммунистами. Воспользуемся тѣмъ, что анархисты постоянно повторяютъ въ своихъ брошюрахъ, въ газетахъ и рѣчахъ фразу: мы противники

всякаго насилія, мы противники всякой государственной власти, какъ органа насилія. Возьмемъ эту фразу и зададимъ анархистамъ вопросъ: а если государственной властью овладѣли трудящіяся массы и используютъ ее для подавленія своихъ враговъ, вы противъ и такой власти?

Тутъ мы уже отъ самихъ анархистовъ получимъ разный отвѣтъ. Одинъ говоритъ: мы не враждебны этой власти, пока она выполняетъ полезное для трудящихся массъ дѣло. Другіе отвѣчаютъ: мы противъ всякой власти, всякую власть и во всякое время мы стремимся разрушить.

Итакъ, мы нашли коренныя разногласія между большевиками-коммунистами и анархистами. Касается оно отношенія къ государству и не столько къ государству вообще, какъ увидимъ дальше, сколько отношенія къ государству—коммунѣ, къ власти рабочихъ и крестьянъ.

Разсмотримъ поэтому, что такое государство и какъ смотрятъ на него коммунисты. Что государство есть органъ насилія и принужденія, это знаетъ каждый обыватель, къ которому приходилъ квартальный для взысканія налога, каждый крестьянинъ, у котораго продавали самоваръ и корову за невзносъ податей, каждый рабочій, котораго за стачку противъ капитала сажали въ кутузку и подвергали разстрѣлу. Что государство—это органъ насилія, знаетъ теперь, къ счастью, и буржуазія, у которой противъ ея воли совѣтская власть отобрала банки, богатые дома, заводы и капиталы.

Весь вопросъ въ томъ, въ чьихъ интересахъ эти организованныя насилія совершаются, кто этими органами насилія владѣетъ и какъ это случилось, что противъ государственной власти рабочихъ и крестьянъ возстаютъ не только всѣ контръ-революціонеры и вся буржуазія, но ихъ союзниками оказываются въ этомъ отношеніи и анархисты.

Самодержавно-дворянское государство.

Было время, когда государства совсѣмъ не существовало. Это было тогда, когда не существовало и классовъ, когда люди не дѣлились на богатыхъ и бѣдныхъ, на живущихъ своимъ трудомъ и на эксплуататоровъ чужого труда. И не случайное совпаденіе, что государства не было тогда, когда не было дѣленія людей на классы. Когда изъ первобытной родовой земледѣльческой общины, гдѣ всѣ были равны, стала выдѣляться верхушка людей зажиточныхъ, когда эта верхушка оказалась во главѣ вооруженныхъ силъ общинъ и во время войны съ сосѣдями могла расширить свои владѣнія путемъ грабежа побѣжденныхъ чужихъ народовъ, а потомъ и своего собственнаго, то появилась почва для возникновенія государства. Постепенно бароны, графы, князья, какъ военноначальники племени и крупные землевладѣльцы, стали обрастать учрежденіями, представляющими зародышъ государства. Князь судилъ своихъ сочленниковъ и, разумѣется, какъ судья, прежде всего охранялъ свои интересы, свои привилегіи отъ покушенія вѣрноподданныхъ. Вотъ зародышъ классоваго суда.

Рѣшеніе этого судьи приводили въ исполненіе его подручные. Вотъ зародышъ полиціи.

На войну или для подавленія крупныхъ волненій внутри своей территоріи пускалась въ дѣло дружина. Это зародышъ солдатчины будущаго.

Принявъ «христіанство» и задобривъ представителей религіи подарками и дареніемъ земельныхъ угодій, князь или графъ получаетъ въ свое распоряженіе духовную полицію и поддерживаетъ свои привилегіи на эксплуатацію не только мечомъ и кнутомъ, но крестомъ и евангеліемъ. Вотъ зародышъ слитія церкви и государства, т.-е. въ

сущности превращеніе церкви въ орудіе господствующаго класса для духовнаго закабаленія народа.

Когда въ борьбѣ отдѣльныхъ графовъ, бароновъ, князей между собою побѣда остается за сильнѣйшимъ и этотъ сильнѣйшій съ титуломъ великаго князя, короля или императора дѣлается верховнымъ главой въ странѣ, то изъ зародышей государства возникаетъ настоящее, большое монархическое государство. Баронъ, царившій раньше въ своемъ округѣ надъ своими крестьянами, теперь соединяется съ остальными баронами, графами и князьями, всѣ они толпятся теперь у трона «обожаемаго монарха» и не каждый по отдѣльности въ своемъ имѣніи, а всѣ сообща управляютъ народомъ. Изъ сложенія власти отдѣльныхъ мелкихъ бояръ, бароновъ и князей и крупныхъ землевладѣльцевъ дворянъ получается власть всего класса земельныхъ собственниковъ и аристократовъ. Создается цѣлое акціонерное общество властителей, которые образуютъ единый союзъ, направленный противъ народа, и каждый участникъ, вступая въ союзъ, какъ бы страхуетъ себя и гарантируетъ себѣ поддержку всѣхъ членовъ своего класса.

Теперь уже князь или баронъ не выходитъ на крыльцо судить тяжбу крестьянина за нарушеніе его баронской собственности, за невзносъ налога и тому подобное. Этимъ дѣломъ занятъ теперь назначенный государствомъ, т.-е. всѣмъ союзомъ дворянъ и князей, судья. Когда надо привести приговоръ въ исполненіе и наказать протестующаго противъ обирательства бѣднякa, то этимъ дѣломъ занимаются не старые подручные и дружинники барона, а государственная полиція, т.-е. подручные всего класса дворянъ и князей. Что же касается самого монарха, то онъ считается единодержавнымъ властелиномъ, на дѣлѣ же прикрываетъ самодержавіе земельныхъ собственниковъ надъ всѣмъ остальнымъ народомъ. Эта ширма выгодна дворянамъ, потому что монархъ разыгрываетъ роль справедливаго правите-

ля, передъ которымъ всѣ равны. Онъ иногда накажетъ одного или другого зарвавшагося барина, дастъ на пятакъ справедливости, чтобъ легче было сдирать милліоны въ пользу всего дворянскаго класса подъ видомъ аренды, государственныхъ податей и т. д.

При такомъ союзѣ дворянъ, ясное дѣло, классъ грабителей усиливается, и трудящіяся массы оказываются разрозненными, разбитыми и отдѣльныя возстанія угнетенныхъ безнадежными. Если раньше отдѣльнаго крестьянина, надъ которымъ совершалъ насиліе графъ или баронъ, поддерживали всѣ крестьяне графства, если дружина барина не въ силахъ была подавить движеніе, то бывали случаи, что бароновъ и князей прогоняли изъ селъ и городовъ, создавались свободные города и области. Теперь уже это невозможно. Если, допустимъ, крестьянская корова потоптала дворянскую пшеницу, его присудитъ судья заплатить штрафъ. Если штрафъ заплатить крестьянину нечѣмъ или онъ считаетъ его несправедливымъ, судебный приставъ продастъ крестьянскую корову для уплаты штрафа. Если крестьянинъ окажетъ сопротивленіе, его арестуетъ полиція. Если вся деревня или волость не дастъ сдѣлать арестъ, пришлютъ еще больше полиціи или войска. Если возстанетъ весь уѣздъ, вся губернія, вся область, то государство дворянъ пошлетъ всѣ свои свободныя войска и полицію, чтобъ подавить движеніе, и въ концѣ-концовъ цѣной тысячъ убитыхъ и разоренныхъ и милліонами убытковъ заставятъ крамольнаго мужика заплатить рублевый штрафъ за потраву. Теперь все дворянское государство ощетинится своими штыками, чтобъ поддержать до конца отдѣльнаго дворянина противъ крестьянина даже въ самомъ маленькомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, организація дворянъ въ самодержавное государство страшно усилила этотъ классъ, сильно ослабила трудящіяся массы и сдѣлала ихъ беззащитными противъ своихъ грабителей.

Изъ всего сказаннаго нужно сдѣлать два вывода.

Выводъ первый и самый главный состоитъ въ томъ, что, вообще, государство возникаетъ тогда, когда возникаетъ дѣленіе людей на классы, когда появляется собственность, которой одни владѣютъ, а другіе нѣтъ, когда эту собственность надо защищать всему классу собственниковъ, когда возникаетъ привилегированный классъ и эти привилегіи ему приходится защищать отъ рядовыхъ людей, когда выдѣлившемуся богатому и знатному классу не только надо защищать свои богатства и права, но и увеличивать ихъ за счетъ трудящагося народа.

Выводъ второй заключается въ томъ, что не государство порождаетъ дѣленіе людей на классы, создаетъ неравенство между людьми и эксплуатацію однихъ людей другими, а наоборотъ, возникновеніе классовъ и экономическаго неравенства порождаетъ государство, какъ организацію эксплуататоровъ. Но разъ возникши, государство усиливаетъ угнетательскіе классы и еще больше увеличиваетъ то экономическое неравенство, на почвѣ котораго оно само возникло.

Буржуазное государство.

Но самодержавно-дворянское государство (его принято называть феодальнымъ государствомъ) не вѣчно, какъ не вѣчна экономическая сила, на которой оно построено, сила крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія. Постепенно въ нѣдрахъ дворянскаго государства появляется и растетъ классъ торговой и промышленной буржуазіи. Жадное до удовольствій и роскоши, дворянство начинаетъ разоряться, буржуазія начинаетъ скупать помѣщичьи земли, въ рукахъ буржуазіи оказывается вся промышленность, вся торговля и часть земледѣлія. Она съ жадностью смотритъ на доходы дворянскаго класса, получаемые отъ аренды за землю, отъ разныхъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ, а главное—отъ госу-

дарственныхъ налоговъ, расходящихся по карманамъ правящаго страной дворянства. Буржуазіи необходимо отнять отъ дворянства его источники доходовъ и сдѣлать ихъ своей добычей, добычей капитала. Чтобъ этого достигнуть, чтобъ избѣгнуть самой обирательства со стороны дворянскаго государства въ видѣ пошлинъ и т. д., чтобы приспособить государство къ потребностямъ капиталистическаго способа грабежа, а не дворянскаго, буржуазіи необходимо прогнать отъ власти своего конкурента по ограбленію трудящагося народа. Это изгнаніе осуществляется путемъ буржуазныхъ революцій и заканчивается либо полнымъ переходомъ власти въ руки буржуазнаго класса, либо сдѣлкой буржуазіи съ дворянствомъ. Такъ или иначе, но новое государство приспособляется къ интересамъ капитала, къ интересамъ его накопленія, его охраны отъ покушеній со стороны трудящихся массъ.

Буржуазное государство въ сущности очень мало отличается отъ самодержавно-дворянскаго государства, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія угнетеннаго класса, съ точки зрѣнія пролетаріата. Какъ для пойманной въ силки птицы переходъ изъ узкой клѣтки въ болѣе просторную не означаетъ еще свободы, такъ и для рабочаго класса замѣна самодержавно-дворянскаго государства буржуазнымъ есть лишь расширеніе клѣтки, а не ея уничтоженіе.

Остановимся сначала на различіяхъ этихъ двухъ типовъ государства. При самодержавно-дворянскомъ государствѣ страной правитъ дворянскій классъ, прикрывшись ширмой монарха, якобы стоящаго надъ всѣми классами и ко всѣмъ одинаково благожелательнаго. Трудовыя массы должны дѣлать то, что имъ прикажутъ, и не разсуждать. Здѣсь насиліе кучки грабительской аристократіи надъ большинствомъ трудящихся ничѣмъ не прикрыто, оно откровенно, прямо, грубо.

Наоборотъ, при буржуазномъ строѣ насиліе имущаго меньшин-

ства надъ большинствомъ прекрасно замаскировано, особенно тамъ, гдѣ государственная власть сосредоточена въ рукахъ парламента, избраннаго на основѣ всеобщаго или близкаго ко всеобщему избирательнаго права. Современный буржуа обдѣлываетъ свои дѣла по «управленію» трудящимися чище, чѣмъ дворяне съ замашками Держиморды и станового пристава. Тутъ насиліе такъ же замаскировано видимостью формальной свободы, какъ замаскирована эксплуатація рабочаго капиталистомъ въ области экономической. Напримѣръ, при крѣпостномъ правѣ крестьянина прямо заставляютъ работать, скажемъ, три дня въ недѣлю на барина, и каждому ясно, что половину труда своего крестьянинъ вынужденъ отдавать паразиту-помѣщику. При капиталистическомъ же строѣ рабочій можетъ «свободно» выбирать, умереть ли съ голоду или идти работать къ капиталисту за ту плату, которую тотъ ему назначитъ. Тутъ замаскированъ широкой призрачной свободой и самый фактъ эксплуатаціи и то, какую долю своего труда рабочій отдаетъ капиталисту, какъ крѣпостной помѣщику, въ видѣ неоплаченнаго труда. То же самое и съ организаціей насилія въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется или, вѣрнѣе, затушевывается въ буржуазномъ обществѣ. Докажите-ка сразу, что парламентъ, избранный большинствомъ населенія, является въ концѣ-концовъ органомъ, способствующимъ подавленію большинства трудящихся кучкой капиталистовъ? Это доказать не такъ просто, и только сама жизнь учитъ рабочій классъ постигать всю хитрую механику капитализма и по достоинству оцѣнить ту сторону государства, которая отвѣчаетъ интересамъ и потребностямъ торжествующаго капитала.

Въ буржуазномъ обществѣ верховная власть принадлежитъ парламенту. И въ то время, какъ въ самодержавно-дворянскомъ строѣ рабочему и крестьянину просто приказываютъ, и при сопротивленіи берутъ безъ разговоровъ за шиворотъ, теперь даже и у трудящихся

классовъ спрашиваютъ разъ въ 3—4 года, кого они хотятъ выбрать въ парламентъ.

Подумать только, какая честь и какъ послѣ этого можно удержаться отъ соблазна въ серьезъ считать себя свободнымъ человѣкомъ!

Правда, трудящихся спрашиваютъ разъ въ 4 года при выборахъ только потому, что заранѣе знаютъ, каковъ будетъ отвѣтъ. Знаютъ, что крестьянинъ выберетъ либо помѣщика, либо попа, либо «образованнаго» кулака, какъ это происходило до сихъ поръ на Западѣ. Знаютъ, что рабочіе пошлютъ въ парламентъ прикидывающихся соціалистами адвокатовъ, либо соціалъ-патріотовъ и прихвостней буржуазіи въ родѣ Шейдемановъ и лишь меньшинство пролетаріата отдастъ свои голоса дѣйствительнымъ революціоннымъ соціалистамъ.

Буржуазія это знаетъ, и ей есть полный расчетъ вмѣсто прямого насилія надъ массами, вмѣсто назначенія правительства сверху, устроить такъ, чтобъ массы сами выбирали себѣ начальниковъ, которые будутъ ихъ стегать.

Если же появляется опасность, что въ парламентъ пройдутъ въ большинствѣ или недѣйствительные соціалисты, а хотя лишь соглашатели съ буржуазіей, то буржуазія не стѣсняется отмѣнить всеобщее избирательное право, какъ это было въ Саксоніи, разогнать неугодный парламентъ, какъ это сдѣлалъ Керенскій съ финляндскимъ сеймомъ. Вмѣсто всеобщаго избирательнаго права вводится, въ такомъ случаѣ избирательное право лишь для владѣльцевъ толстаго кармана и собственности вообще. Вся ложь и весь обманъ относительно того, что парламентъ выражаетъ волю народа, разсѣивается какъ дымъ. Парламентъ потому и существуетъ и его до тѣхъ поръ и терпитъ буржуазія, пока онъ всецѣло выражаетъ волю буржуазіи. И если теперь избирательное право получаютъ лишь собственники и тѣмъ самымъ буржуазія открыто заявляетъ, что въ капиталистиче-

скомъ обществѣ власть принадлежитъ толстому карману, то это не значитъ, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ дѣло обстоитъ иначе. Просто тогда обстоятельства не вынуждали буржуазію въ этомъ сознаться.

Въ сущности, всеобщее избирательное право въ буржуазномъ обществѣ даже теперь встрѣчается весьма рѣдко. Побѣдившая дворянство или вступившая съ нимъ въ сдѣлку, буржуазія считаетъ даже поддѣлки подъ всеобщее избирательное право, въ родѣ теперешнихъ, либо рискованнымъ, либо совершенно излишнимъ экспериментомъ. Въ дальнѣйшемъ, буржуазія убѣждается, что предоставленіе избирательныхъ правъ трудящимся классамъ не опасно, что находящимся въ кабалѣ у капитала массамъ можно смѣло предоставить право свободно выбирать разъ въ 3—4 года между плеткой и нагайкой, если массы этого добиваются, начиная борьбу за избирательныя реформы.

И только въ годы пробужденія народныхъ массъ, въ предреволюціонные періоды буржуазія, снова чувствуя свою слабость, вынуждена отбрасывать демократическія украшенія своего господства и либо сводить парламентъ къ роли безсильной говорильни, либо осуществлять дѣло подавленія народныхъ массъ неприкрытымъ насиліемъ.

Вообще же парламентъ нуженъ буржуазіи не только для обмана народа (пока это средство помогаетъ), но по ряду другихъ причинъ. Во-первыхъ, для того, чтобы загнать въ правый уголъ парламента своего прежняго врага—земельную аристократію и показать, что большинство народа не на сторонѣ дворянскаго класса. Во-вторыхъ, парламентъ важенъ буржуазіи, какъ политическая биржа для сдѣлокъ между различными группами имущихъ классовъ капиталистическаго общества.

Вѣдь буржуазія является сплоченной лишь тогда, когда выступаетъ противъ пролетаріата.

Внутри же самой буржуазіи существуютъ различныя группы съ различными интересами: финансовая буржуазія (владѣльцы банковъ), крупно-промышленная буржуазія, средняя буржуазія и непримыкающая къ пролетаріату часть мелкой буржуазіи.

Всѣмъ этимъ группамъ передъ лицомъ общаго врага, т.-е. передъ большинствомъ трудящагося и эксплуатируемаго народа, важно не доводить при своихъ спорахъ дѣло до открытой драки, а ограничиться борьбой и сдѣлками въ парламентѣ. Наконецъ, парламентъ является великолѣпнымъ средствомъ отвлечь вниманіе массъ отъ грабительской политики капиталистическихъ абулъ, проводящихъ за его кулисами свою настоящую работу ограбленія народа и управляющихъ большинствомъ парламента какъ куклами. И въ то время, какъ именно тутъ дѣлается настоящее дѣло, созрѣваютъ и приводятся въ исполненіе различные грабительскіе планы, несознательныя массы, разинувъ ротъ, слушаютъ болтовню тѣхъ или иныхъ ораторовъ въ парламентской говорильнѣ, воображая, что именно здѣсь осуществляется «воля народа». Этотъ самообманъ еще болѣе усугубляется отъ того, что въ парламентѣ разные Шейдеманы и прочіе соціалъ-прохвосты разыгрываютъ роль непримиримой оппозиціи противъ капитала, и рабочимъ кажется, что и ихъ интересы тамъ защищаютъ. Только когда начинается настоящая пролетарская атака на капиталъ, какъ было у насъ въ октябрѣ, только тогда разсѣивается весь парламентскій обманъ и въ частности слѣзаютъ румяна съ физіономіи всѣхъ лжесоціалистовъ.

Такимъ образомъ, между дворянскимъ государствомъ и буржуазнымъ разница та, что при буржуазномъ государствѣ насиліе надъ массами народа лучше прикрыто.

При господствѣ дворянскаго самодержавія у рабочаго и крестьянина выворачиваютъ карманъ и берутъ за шиворотъ прямо, безъ всякихъ разсужденій; при буржуазномъ же парламентаризмѣ позволяютъ «выразить свое согласіе» на эту операцію.

Сходство же обоих государств состоит въ томъ, что, кромѣ государственной верхушки (въ одномъ случаѣ наслѣдственный монархъ, въ другомъ—выбранный парламентъ), весь остальной механизмъ управленія или, правильнѣй сказать, подавленія остается тотъ же.

Остается судъ, только законы, по которымъ судятъ, пересмотрѣны въ интересахъ капитала.

Остается полиція и жандармерія, только дѣйствуетъ она теперь въ духѣ новыхъ хозяевъ.

Остается постоянная армія, только командный составъ постепенно, хотя и не вездѣ, обновляется за счетъ буржуазныхъ офицеровъ и генераловъ.

Остается въ огромномъ большинствѣ случаевъ государственная церковь, какъ духовная жандармерія капитала, быстро приспособляющаяся къ его запросамъ. И если сами капиталисты для себя считаютъ религію излишней, то для народа они ее используютъ съ успѣхомъ.

Остается цѣлыя полчища назначаемаго сверху чиновничества.

Остается тайная дипломатія, только внѣшнюю политику ведетъ не столько въ личныхъ интересахъ того или иного монарха, сколько въ интересахъ наиболѣе вліятельныхъ группъ буржуазіи. Слѣдовательно, война при буржуазномъ государствѣ такъ же, какъ и при самодержавномъ, объявляется безъ согласія народа, и величайшія насилія надъ милліонами трудящихся, связанныя съ войнами, осуществляются кучкой крупнѣйшихъ капиталистовъ черезъ весь буржуазный аппаратъ власти.

Все это сходство между государствомъ дворянскимъ и буржуазнымъ объясняется очень просто. И то и другое представляютъ изъ себя аппаратъ для угнетенія огромнаго большинства народа незначительнымъ меньшинствомъ. Иначе это угнетеніе нельзя было бы осу-

ществить. Поэтому-то, если понимающаго свой интересъ буржуа спросить, что ему дороже—парламентъ или полиція, онъ всегда скажетъ, что полиція. Всякій согласится, что, напримѣръ, во Франціи весь аппаратъ угнетенія массъ и поддержанія буржуазнаго порядка при республикѣ еще лучше приспособленъ къ защитѣ капитала, чѣмъ былъ до революціи приспособленъ къ защитѣ земельной аристократіи и духовенства. Если теперь безработный не заплатитъ домовладѣльцу платы за квартиру, то теперь весь судебный, полицейскій, а если потребуется и военный аппаратъ власти будетъ пущенъ въ ходъ, чтобъ гарантировать пострадавшему буржуа неприкосновенность его собственности. Рабочимъ, если бы они поддержали своего товарища безработнаго, легче произвести полную соціальную революцію, чѣмъ добиться отмѣны постановленія о взысканіи, если таковое вынесъ судья.

Такимъ образомъ, и буржуазное государство представляетъ изъ себя организованное насиліе буржуазнаго класса надъ трудящимися массами. Для либеральнаго буржуа разница между дворянскимъ самодержавнымъ и буржуазнымъ парламентскимъ государствомъ неизмѣримо велика. Для рабочаго же эта разница можетъ быть выражена въ двухъ словахъ: клѣтка просторнѣй, клетка помягче и порою въ согласіи съ конституціей [1]).

---

[1]) Но партія пролетаріата учитывала всегда разницу между клѣткой менѣе просторной и болѣе просторной, а потому, когда борьба шла между монархіей и буржуазнымъ парламентаризмомъ, поддерживала буржуазный парламентаризмъ противъ монархіи и использовала парламентскую борьбу съ тѣмъ, чтобы затѣмъ итти дальше отъ парламентаризма къ диктатурѣ пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства.

Пролетарское государство.

Мы видѣли, что самодержавно-дворянское государство, это—есть въ сущности организованный въ государственномъ масштабѣ дворянскій классъ, сначала самъ представляющій изъ себя единственно крѣпкую и сплоченную военную силу, а потомъ умѣющій сдѣлать своимъ орудіемъ трудящіеся милліоны и стать во главѣ огромныхъ организованныхъ силъ угнетенія въ видѣ полиціи и постоянной арміи. Дворянское государство, это—часовой, стоящій на стражѣ дворянскихъ привилегій и охраняющій ихъ отъ возмущенія эксплуатируемаго трудового народа, часто силами этого же самаго народа.

Буржуазное государство, это—также орудіе для подавленія трудящихся массъ, но уже въ интересахъ капитала и въ интересахъ дворянскаго класса, уравненнаго въ правахъ со всей буржуазіей.

И этотъ аппаратъ дѣйствуетъ въ интересахъ меньшинства, подавляя сопротивленіе огромнаго большинства населенія.

Посмотримъ теперь, что представляетъ изъ себя пролетарское государство и чѣмъ оно отличается отъ разсмотрѣнныхъ нами двухъ видовъ грабительскихъ и эксплуататорскихъ государствъ.

Разсмотримъ, какъ возникаетъ пролетарское государство, каково его строеніе, каковы его задачи и когда это государство можетъ прекратить свое существованіе.

Пролетарское государство рождается въ результатѣ побѣдоносной рабочей революціи. Отдѣльные отряды пролетаріата, разрозненно выступающіе противъ буржуазнаго господства, неизмѣнно терпятъ пораженіе, потому что буржуазный классъ, представляющій самъ по себѣ небольшую силу по сравненію съ милліонными массами рабочихъ, оказывается достаточно сильнымъ, чтобы съ помощью своего государственнаго аппарата разбить эти отряды по частямъ. Это чрезвы-

чайно важно запомнить, потому что одинъ этотъ фактъ огромнаго преимущества государственной организаціи класса для борьбы съ враждебнымъ классомъ въ корнѣ разбиваетъ всѣ анархическіе бредни о борьбѣ съ противникомъ отрядами дружинъ, не связанныхъ общей дисциплиной, общимъ руководящимъ центромъ и общимъ планомъ. И если наша рабоче-крестьянская октябрьская революція побѣдила буржуазную власть въ Россіи, то лишь благодаря тому, что пролетаріатъ проявилъ максимумъ организованности, что государственному объединенію буржуазнаго класса онъ противопоставилъ объединеніе въ государственномъ же масштабѣ своихъ силъ въ лицѣ совѣтовъ и всероссійской партіи большевиковъ.

Буржуазная организованность столкнулась съ пролетарской организованностью и была побѣждена послѣдней.

Такимъ образомъ, пролетарское государство зарождается уже въ лицѣ той партіи, которая руководитъ его борьбой за власть, въ лицѣ массовыхъ организацій пролетаріата, которыя сначала имѣютъ задачей покорить пролетаріатъ самому себѣ, т.-е. помогаютъ сложиться въ классъ съ опредѣленными цѣлями и подчинить этимъ цѣлямъ всѣ выступленія отдѣльныхъ группъ. Когда слагающійся въ опредѣленную классовую боевую единицу пролетаріатъ побѣждаетъ буржуазію и овладѣваетъ властью, то тѣмъ самымъ всѣ его классовыя организаціи превращаются въ организаціи государственныя.

Это значитъ, что тѣ же совѣты изъ органовъ объединенія самого пролетаріата превращаются въ органы подчиненія пролетарской власти всѣхъ другихъ классовъ и группъ страны.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что пролетарское государство родится въ бою, родится на поляхъ классовой борьбы и, какъ увидимъ ниже, все время остается боевой организаціей пролетаріата.

Посмотримъ теперь, чѣмъ отличается пролетарское государство отъ самодержавно-дворянскаго и буржуазнаго и какъ эта разница въ

цѣляхъ отражается на самомъ строеніи пролетарской государственной власти.

Дворянство забираетъ въ свои руки государственную власть для охраны привилегій, т.-е. доходовъ и господства надъ массами класса крупныхъ землевладѣльцевъ.

Буржуазія овладѣваетъ властью послѣ буржуазной революціи для охраны привилегій капитала и для содѣйствія ему въ высасываніи изъ рабочаго класса какъ можно большаго количества неоплаченнаго труда.

И то и другое государство способствуетъ грабежу трудовыхъ массъ и насилію надъ ними со стороны кучекъ эксплуататоровъ.

Пролетарское государство преслѣдуетъ какъ разъ противоположную цѣль. Его задача состоитъ въ томъ, чтобы додѣлать то, что недодѣлано пролетарской революціей и для чего требуется извѣстное время, а именно: окончательно отобрать у буржуазіи всѣ орудія производства, т.-е. фабрики и заводы, уничтожить дѣленіе общества на классы, прекратить эксплуатацію человѣка человѣкомъ, ввести трудовую повинность и превратить все общество въ единую трудовую армію товарищей работниковъ.

Но пролетарское государство, прежде чѣмъ приступить къ быстрому осуществленію этой программы, должно еще сломить сопротивленіе имущихъ классовъ. А имущіе классы разстаются съ властью лишь послѣ упорной борьбы и, разбитые въ центрахъ, создаютъ очаги возстанія въ разныхъ концахъ страны. Пролетарской власти въ Россіи потребовалось почти полгода, чтобы раздавить главнѣйшіе очаги контръ-революціи на Дону, въ Уральской области, въ Сибири и даже на седьмомъ мѣсяцѣ эта борьба еще не была окончательно закончена.

Такимъ образомъ, между государствомъ пролетарскимъ и буржуазно-дворянскими типами государствъ существуетъ различіе въ самомъ основаніи.

Въ то время какъ буржуазное и самодержавное государства защищаютъ привилегіи господствующихъ классовъ, пролетарское государство имѣетъ цѣлью уничтожить всякія привилегіи, всякое первенство, всякую эксплуатацію. Ставъ у власти, пролетаріатъ используетъ ее не для того, чтобы самому превратиться въ угнетателя и эксплуататора другихъ классовъ населенія, а чтобы уничтожить всякую эксплуатацію на будущее время, чтобы уничтожить всѣ классы и самую возможность ихъ возникновенія.

Но уничтожить классы, это значитъ уничтожить причину, которая приводитъ къ возникновенію государства. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что пролетарское государство—это послѣднее изъ всѣхъ возможныхъ государствъ, если вообще коммунизму суждено побѣдить.

Пролетарское государство—это та форма, въ которой умираетъ государство вообще, превратившись изъ организаціи меньшинства въ организацію трудящагося большинства.

Но есть ли тогда смыслъ говорить, напримѣръ, о совѣтской власти, какъ о государственной власти?

Несомнѣнно можно и должно.

Всякое государство есть организація насилія. Пролетарское государство есть та же организація насилія.

Но кого надъ кѣмъ?

Союза эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ надъ угнетателями и эксплуататорами, союза трудящихся надъ паразитами, союза большинства надъ меньшинствомъ.

Итакъ, мы видимъ, что по своимъ цѣлямъ пролетарское государство, какъ небо отъ земли, отличается отъ государства дворянскаго и буржуазнаго. Но столь же сильно отличается оно и по своему строенію.

На дверяхъ самодержавно-дворянскаго государства написано:

здѣсь допускается къ власти тотъ, кто принадлежитъ къ земельной аристократіи, къ классу помѣщиковъ, кто живетъ чужимъ трудомъ и не маретъ породистыхъ рукъ на черной работѣ.

При входѣ въ буржуазное государство значится: здѣсь властвуетъ тотъ, кто имѣетъ капиталъ и крупную собственность, кто используетъ наемный трудъ для своего о б о г а щ е н і я, кто имѣетъ удостовѣреніе на право участія во власти въ видѣ сотенъ тысячъ и милліоновъ капитала, сотенъ и тысячъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ и мастерской.

Въ пролетарскомъ государствѣ дѣло обстоитъ наоборотъ. Здѣсь не допускается къ власти тотъ, кто живетъ чужимъ трудомъ, не допускается къ власти тотъ, кто эксплуатируетъ другого человѣка, кто пользуется наемнымъ трудомъ для своего обогащенія. Въ пролетарскомъ государствѣ допускается къ управленію государствомъ лишь тотъ, кто трудится, кто живетъ своимъ трудомъ, кто не живетъ на доходы, созданные чужими руками.

Раньше высшимъ классомъ считалось дворянство, низшими классами всѣ остальные. Затѣмъ высшимъ классомъ стали считаться всѣ крупные земельные собственники, вся крупная и средняя буржуазія и буржуазная интеллигенція. Въ пролетарскомъ государствѣ управляющимъ классомъ является рабочій классъ города и деревни, классами же, лишившимися государственныхъ правъ, являются помѣщики, буржуи и саботажники изъ буржуазной интеллигенціи.

Но рабочій классъ, превратившійся въ господствующій классъ, не только не закрываетъ двери никому въ свои ряды, а наоборотъ, ведетъ дѣло къ тому, чтобы всѣ люди превратились въ трудящихся, все человѣчество обратилось въ привилегированныхъ, т.-е. иными словами, чтобы власть не была ничьей особенной привилегіей.

При самодержавно-дворянскомъ государствѣ привилегія власти была доступна очень немногимъ людямъ изъ знати. Породившійся

дворянином уже былъ безправнымъ съ самаго рожденія и не имѣлъ никакихъ шансовъ пробраться въ ряды правящаго класса, за исключеніемъ отдѣльныхъ единицъ, покупавшихъ титулы.

При буржуазномъ строѣ правитъ капиталъ.

Правда, капиталисты, расписывая прелести буржуазнаго строя и его «справедливость», имѣютъ привычку указывать на то, что каждый можетъ разбогатѣть. Но это утвержденіе, разумѣется, есть лишь одно издѣвательство, потому что еслибъ всѣ превратились въ буржуазію, то гдѣ бы былъ тотъ пролетаріатъ, трудомъ котораго создаются богатства капиталистовъ? Ивановъ, Петровъ могутъ разбогатѣть и стать милліонерами даже изъ нищихъ, но это значитъ, что Сидоровъ и Васильевъ разорились и выброшены изъ буржуазнаго класса. И здѣсь привилегія быть въ числѣ капиталистовъ и воротилъ въ государственныхъ дѣлахъ является удѣломъ очень незначительной группы лицъ.

Наоборотъ, въ пролетарскомъ государствѣ каждый можетъ участвовать въ управленіи государствомъ, каждый можетъ выбирать, напримѣръ, въ совѣты и быть избраннымъ туда, кто трудится, кто не принадлежитъ къ классу эксплуататоровъ. И когда буржуи и особенно ихъ лакеи изъ меньшевиковъ и правыхъ эсъ-эровъ указываютъ, что рабочій классъ и бѣднота деревни отстраняютъ всѣ другія группы отъ власти и превращаются въ привилегированный классъ, то это совершенно невѣрно, если выражаться мягко. Пусть банкиръ жнетъ, коситъ сѣно, чиститъ комнаты или поступитъ дворникомъ или швейцаромъ въ отобранный у него и націонализированный банкъ, пусть поступитъ даже конторщикомъ, тогда онъ получитъ избирательное право при выборахъ въ совѣтъ.

Такая перемѣна бездѣлья на работу не только дастъ банкиру возможность участвовать въ управленіи государствомъ (если ему такъ хочется управлять въ совѣтскомъ государствѣ!), но и будетъ

полезна для его здоровья. Это можетъ подтвердить его врачъ, который лечитъ своего паціента отъ ожирѣнія.

Рабоче-крестьянское государство есть, несомнѣнно, классовое государство, потому что неклассовыя государства до сихъ поръ существовали лишь въ фантазіи буржуазныхъ ученыхъ, одурачивавшихъ массы своими баснями о томъ, что при буржуазномъ парламентаризмѣ страной правитъ «весь народъ». Но классовое пролетарское государство не только не закрываетъ никому возможности участвовать въ управленіи, но, наоборотъ, дѣлаетъ это до нѣкоторой степени обязанностью, потому что вводитъ трудовую повинность, уничтожаетъ привилегированные имущіе классы и тѣмъ всѣмъ открываетъ возможность и необходимость участвовать въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. Въ пролетарскомъ государствѣ правитъ тотъ, кто трудится. И отъ самихъ имущихъ классовъ будетъ зависѣть получать право участія во власти.

Пусть прекратятъ они свое сопротивленіе пролетарскому государству признаютъ себя побѣжденными, сравняются въ своемъ положеніи съ рабочими и служащими и тогда могутъ разсчитывать и на полученіе правъ, которыми обладаютъ въ рабочемъ государствѣ трудящіеся. Буржуа, желающій остаться буржуа, самъ лишаетъ себя избирательныхъ правъ.

Въ Россіи пролетарское государство построилось какъ республика совѣтовъ, избираемыхъ трудовыми массами. Но, разсуждая теоретически, отнюдь не обязательно думать, что пролетарское государство вездѣ и всюду приметъ именно совѣтскія формы. Напримѣръ, Парижская коммуна была избрана всеобщимъ голосованіемъ. Необязательно, напримѣръ, чтобы въ той же Германіи диктатура пролетаріата осуществилась непремѣнно черезъ совѣты, хотя обостреніе классовыхъ противорѣчій на Западѣ и дѣлаетъ мало вѣроятнымъ иной путь.

Диктатуру пролетаріата, особенно на первыхъ порахъ, можно,

и придется, быть можетъ, проводить, и черезъ другіе классовые органы пролетаріата, ее можно провести и черезъ парламентъ, избранный дѣйствительно всеобщимъ голосованіемъ и послѣ того, какъ буржуазная печать будетъ лишена возможности отравлять сознаніе трудового народа своимъ ядомъ. Пролетарское большинство можетъ изгнать изъ парламента буржуазное меньшинство и превратиться въ органъ пролетарской диктатуры. Когда буржуазія осуществляла свою диктатуру, то въ различныхъ странахъ, въ различные періоды она использовала самые различные способы, чтобъ осуществить свою власть. Англійскіе буржуа эпохи первой англійской революціи воспользовались для этой цѣли парламентомъ, изгнавъ два раза оттуда контръ-революціонную часть депутатовъ. Французская буржуазія первые три года революціи 1789 г. ввела при выборахъ имущественный цензъ и тѣмъ отстранила отъ участія у власти народные низы.

Наоборотъ, сами отстранители были отстранены отъ власти революціонной мелкой буржуазіи, и въ лицѣ жирондистовъ были изгнаны изъ конвента представители торговой буржуазіи провинціи. Въ дальнѣйшемъ, буржуазія и во Франціи и во всѣхъ остальныхъ странахъ осуществляла свое классовое господство открыто, допуская къ выборамъ въ парламентъ лишь собственниковъ, лишь владѣльцевъ значительнаго имущества и совершенно отстраняя отъ выборовъ пролетаріатъ и бѣдноту. Парламенты, избранные на основаніи имущественнаго ценза, были подлинными совѣтами буржуазныхъ депутатовъ. Когда же откровенное и безстыдное торжество толстаго кармана стало необходимымъ прикрывать хоть чѣмъ-нибудь, буржуазіи стали расширять избирательныя права трудового народа, объявляя каждый такой фактъ великимъ событіемъ. Но на дѣлѣ господство буржуазнаго класса продолжалось и подъ прикрытіемъ парламента съ расширеннымъ избирательнымъ правомъ, и то, чего нельзя было или неловко было провести черезъ парламентъ, осуществлялось за его кулисами, тайно отъ народа.

Такимъ образомъ, если диктатура буржуазіи принимала самыя различныя формы, нисколько не переставая быть диктатурой, то и пролетарская диктатура можетъ осуществляться въ самыхъ различныхъ видахъ, лишь бы та или другая форма организаціи пролетарскаго государства обезпечивала наиболѣе успѣшное и быстрое подавленіе имущихъ классовъ и наиболѣе быстрое соціалистическое переустройство общества.

Но именно въ интересахъ послѣдней цѣли пролетарская власть ни въ какомъ случаѣ не можетъ воспользоваться оставшейся государственной машиной буржуазнаго общества. Буржуазія, какъ меньшинство въ странѣ, имѣла такой аппаратъ власти, который приспособленъ былъ для подавленія большинства трудящихся. Разумѣется, такой аппаратъ не нуженъ рабочимъ и крестьянамъ, которые теперь будутъ подавлять меньшинство побѣжденныхъ, но еще сопротивляющихся эксплуататоровъ.

Вмѣсто полиціи, вышколенной для выполненія порученій буржуазнаго правительства, — красная гвардія, по возможности выбираемая трудовымъ населеніемъ.

Вмѣсто постоянной арміи—всеобщее вооруженіе трудящихся классовъ и въ военное время армія классовая, армія рабочихъ и крестьянъ. Буржуазія, кричащая о недопустимости классовой арміи и классовой милиціи, забываетъ, что она сама, напримѣръ, во время французской революціи имѣла классовую военную и гражданскую силу въ видѣ національной гвардіи, когда ей угрожала опасность отъ ея классовыхъ враговъ, не говоря уже о томъ, что и постоянная армія, созданная на основѣ воинской повинности, также до момента соціальной революціи является слѣпымъ орудіемъ въ ея рукахъ.

Судебный аппаратъ также долженъ быть разрушенъ и созданъ новый, на основѣ выбора судей. Что же касается суда по политическимъ дѣламъ, то пролетаріатъ не имѣетъ надобности лицемѣрно скрывать, какъ это дѣлаетъ буржуазія, что онъ судитъ своихъ клас-

совыхъ противниковъ и создастъ для этого революціонные трибуналы.

Что же касается аппарата управленія, то вмѣсто назначенной сверху бюрократіи это дѣло осуществляется выбранными на мѣстахъ совѣтами, отвѣтственныя лица которыхъ выполняютъ свою работу на тѣхъ же приблизительно условіяхъ, какъ каждый рабочій на заводѣ, не пользуясь никакими особенными привилегіями, кромѣ 16-часового рабочаго дня вмѣсто 8-часового, какъ этого требуютъ часто обстоятельства.

Выборность и смѣняемость въ любое время—вотъ на какихъ основаніяхъ строится пролетарская власть.

Въ результатѣ разрушенія буржуазнаго государственнаго аппарата рабочій классъ и бѣднѣйшее крестьянство создаютъ особый типъ государства, не виданный еще въ мірѣ и принявшій въ Россіи форму совѣтской республики. Это государство обращено своими штыками и тюрьмами къ эксплуататорскимъ классамъ, для нихъ это государство—организація насилія.

Что же касается самихъ рабочихъ и крестьянъ, для нихъ совѣты—это органы выясненія и проведенія въ жизнь общихъ интересовъ всѣхъ рабочихъ и крестьянъ Россіи.

На Всероссійскихъ съѣздахъ совѣтовъ эти общіе интересы выясняются, намѣчается планъ дѣйствій, и если есть мѣстные совѣты, несогласные съ этимъ планомъ, имъ приходится подчиняться волѣ большинства трудового народа.

Такимъ образомъ, совѣтская власть — это организація насилія надъ имущими классами и органъ самоуправленія для трудящихся массъ.

Пролетарское государство.

Является ли пролетарское государство вѣчнымъ и абсолютно необходимымъ на всѣхъ стадіяхъ развитія коммунизма, или же при достиженіи полнаго коммунизма, оно уже будетъ излишнимъ?

На этотъ вопросъ вѣликіе учителя коммунизма К. Марксъ и Ф. Энгельсъ не одинъ разъ давали вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ сводится къ тому, что пролетарское государство, подобно всѣмъ предыдущимъ видамъ государствъ, является временной организаціей. Оно будетъ существовать, пока не разрѣшены тѣ задачи, для выполненія которыхъ оно создается, и должно прекратить свое существованіе, должно отжить, когда окажется лишнимъ. Ф. Энгельсъ прямо говоритъ о томъ, что государство будетъ такъ же сдано въ музей, какъ каменный топоръ и прочія орудія каменнаго вѣка, когда окажется выполненной та задача, ради которой государство возникло.

Но, разумѣется, нельзя сдать въ музей каменнаго топора, пока человѣчество не поднялось до умѣнія дѣлать желѣзный или обходиться съ еще большимъ успѣхомъ совсѣмъ безъ топора. И пролетарское государство также можетъ умереть, лишь выполнивъ работу, ради которой создалось, и ни въ какомъ случаѣ не ранѣе.

Что же предстоитъ сдѣлать пролетарскому государству?

Во-первыхъ, оно должно окончательно раздавить сопротивленіе имущихъ классовъ, стремящихся вернуть себѣ власть и господство, и не только разбить буржуазію въ лицѣ Корниловыхъ, Семеновыхъ, Дутовыхъ и т. д. внутри собственной страны, но убить въ корнѣ даже мысль о возможности возвращенія къ старому.

Пока эта задача не выполнена, пролетарское государство должно существовать во всеоружіи всѣхъ своихъ карательныхъ средствъ и средствъ принужденія. И всякій, выступающій въ такой моментъ противъ существованія пролетарскаго государства, является на дѣлѣ контръ-революціонеромъ и товарищемъ по своей работѣ Корниловыхъ и Скоропадскихъ.

Пролетарское государство должно далѣе раздавить не только вооруженное сопротивленіе имущихъ классовъ, но и всяческое ихъ

сопротивленіе въ видѣ саботажа, обхода декретовъ и всѣхъ видовъ борьбы изъ-за угла. Пролетарское государство должно существовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено дѣленіе общества на классы, пока всѣ бывшіе фабриканты, банкиры, помѣщики и мелкіе буржуа не превратятся въ рабочихъ гражданъ соціалистическаго общества и не сольются съ пролетаріатомъ въ единой арміи труда. Каждый понимаетъ, что здѣсь пролетарскому государству предстоитъ огромная и длительная работа. Сначала придется ликвидировать буржуазные верхи. Это дѣло можетъ пройти болѣе или менѣе гладко. Гораздо труднѣе ликвидировать всѣ средне-буржуазные классы. Наконецъ, наибольшія трудности встрѣтятся при борьбѣ съ мелкой буржуазіей всякихъ сортовъ и мастей, съ милліонами ремесленниковъ, торговцевъ, деревенскихъ кулаковъ. Особенно трудна будетъ эта борьба въ Россіи, т.-е. въ странѣ по преимуществу мелкобуржуазной Подвергнуть учету и контролю мелкаго хозяйчика будетъ очень не легко, потому что онъ по самой своей природѣ является анархистомъ и къ государству, даже рабоче-крестьянскому государству, относится съ недовѣріемъ. Подешевле сдѣлать, подороже продать—вотъ программа мелкаго буржуа, и онъ выступитъ противъ всякой власти, въ томъ числѣ и соціалистической, если она будетъ мѣшать ему въ этомъ дѣлѣ хотя бы и въ интересахъ всего трудового населенія.

Пролетарское государство не будетъ стремиться къ экспропріаціи мелкихъ собственниковъ, ему необходимо лишь подвергнуть учету мелкое хозяйство. Въ дальнѣйшемъ мелкіе хозяева сами себя постепенно ликвидируютъ, потому что быть мелкимъ хозяиномъ при соціализмѣ будетъ совсѣмъ не выгодно и гораздо выгоднѣй стать равноправнымъ членомъ соціалистической общины. Быть мелкимъ производителемъ при такихъ условіяхъ будетъ значить одно: больше работать и меньше получать. А такъ какъ никто самъ себѣ не врагъ, то мелкое хозяйство постепенно будетъ таять и безъ насильственныхъ мѣръ со

стороны рабочаго государства. Но, разумѣется, въ первое время мелкіе собственники будутъ сопротивляться учету, въ частности, напримѣръ, дѣйствительному проведенію въ жизнь хлѣбной монополіи, и въ это время пролетарское государство должно стоять на своемъ посту какъ незыблемая скала.

Всякое государство возникаетъ тогда, когда появляются классы. Значитъ, пролетарское государство должно существовать до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся всѣ классы окончательно и безповоротно.

Но борьба пролетарской власти съ буржуазіей собственной страны не можетъ привести къ окончательной побѣдѣ, пока эта буржуазія получаетъ поддержку со стороны заграничныхъ контръ-революціонныхъ силъ. Тѣмъ болѣе должно существовать пролетарское государство въ странѣ, какъ Россія, со всѣхъ сторонъ окруженной враждебными силами мірового капитала, стремящагося задушить этотъ очагъ міровой пролетарской революціи. Но разъ возникаетъ вопросъ объ оборонѣ революціи, о соціалистической войнѣ, то совершенно ясно, что такую войну нельзя вести съ надеждой на хоть какой-либо успѣхъ безъ сильной государственной организаціи. А гдѣ война, тамъ и армія. А гдѣ армія, тамъ дисциплина и полная подчиненность солдатъ пролетарскому правительству, т.-е. подчиненность всему рабочему классу въ цѣломъ. Если германскіе имперіалисты побили насъ, то лишь благодаря своей желѣзной государственной организаціи. И только желѣзное пролетарское государство въ состояніи организовать силы сопротивленія міровому капиталу, создать рабоче-крестьянскую армію и сумѣть отстоять завоеванія соціалистической революціи.

Такимъ образомъ, существованіе пролетарскаго государства бу-

---

1) Ремесленныхъ мастеровъ.

детъ необходимо, пока не побѣждены имущіе классы внутри страны, пока не подавлены буржуазные классы другихъ странъ, пока не уничтожено дѣленіе общества на классы и всѣ привилегированныя группы общества не растворились въ единой трудовой арміи соціалистическаго общества.

Но допустимъ, что все это достигнуто, о возвратѣ къ прошлому никто даже не мечтаетъ, все общество состоитъ изъ равноправныхъ гражданъ и уже успѣло достаточно оцѣнить огромныя выгоды коммунистическаго строя по сравненію съ капиталистическимъ,—уничтожится ли тогда государство?

На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ: да, уничтожится постольку, поскольку пролетарское государство было орудіемъ подавленія классовъ и группъ, враждебныхъ соціализму, и поскольку подавлять теперь будетъ уже некого.

Ну, а какъ быть въ томъ случаѣ, когда въ обществѣ, совсѣмъ еще недавно уничтожившемъ капиталистическія отношенія, отдѣльныя группы и вообще меньшинство разойдется съ большинствомъ, будетъ добиваться привилегированнаго положенія и вообще пойдетъ въ разрѣзъ съ интересами большинства и всего общества?

Если добровольное соглашеніе будетъ невозможно, то, конечно, большинство должно будетъ провести въ жизнь свою волю насиліемъ. А разъ такъ, то приходится допустить, что нѣкоторое время въ новомъ неклассовомъ обществѣ, не достигшемъ ступени полнаго коммунизма, но быстро приближающемся къ нему, будетъ существовать нѣкоторый остатокъ государства въ видѣ органовъ, которые будутъ приводить въ исполненіе рѣшеніе большинства. Что эти остатки органовъ пролетарскаго государства не будутъ похожи на полицію буржуазнаго общества, это ясно само собой. Дѣло сведется, вѣроятно, къ тому, что центральный рабочій совѣтъ будетъ поручать по очереди той или иной части гражданъ приводить въ исполненіе его рѣшенія, которымъ отдѣльныя группы откажутся подчиниться.

Необходимость въ такомъ принужденіи также скоро исчезнетъ, потому что на опытѣ тѣ или другія группы общества и все общество въ цѣломъ убѣдится въ томъ, что попытки меньшинства навязать свою волю большинству являются безнадежными. Въ дальнѣйшемъ всѣ привыкнутъ къ тому, что рѣшеніе большинства всегда будетъ проведено въ жизнь, и достаточно будетъ одного факта голосованія со стороны большинства, чтобы спорное рѣшеніе осуществлялось и тѣми, кто съ этимъ рѣшеніемъ несогласенъ. Завоевать для себя большинство—вотъ будетъ единственный способъ для меньшинства провести въ жизнь свои рѣшенія.

Это подчиненіе меньшинства большинству будетъ необходимо, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если вопросъ нельзя будетъ разрѣшить добровольнымъ соглашеніемъ къ обоюдному удовольствію сторонъ. А что соглашеніе предпочтительнѣе всякаго давленія и принужденія, хотя бы моральнаго, это ясно само собой. Тамъ, гдѣ человѣчество достигнетъ стройной организованности и умѣнья обходиться безъ государственныхъ учрежденій, какъ органовъ политическаго принужденія, такъ государство будетъ институтомъ излишнимъ, убыточнымъ и унизительнымъ для данной ступени коммунизма. Поясникъ это маленькимъ примѣромъ. Когда масса населенія недобросовѣстно и глубоко развращена въ духѣ жульничества и мелкаго воровства благодаря обстановкѣ царизма и капитализма, то на нашихъ трамваяхъ, напримѣръ, приходится имѣть кондукторовъ, исключительно продающихъ билеты, и контролеровъ надъ этими кондукторами. Этотъ налогъ на общественную недобросовѣстность хозяйственно выгоденъ и неизбѣженъ тамъ, гдѣ управленіе трамвая потратитъ, допустимъ, на кондукторовъ и контролеровъ 100 тыс. руб. въ годъ, а предупредитъ недовыручку отъ недобросовѣстности публики въ 300 тыс. рублей. Но если населеніе въ огромномъ большинствѣ честно и ему самому можно довѣрить опускать деньги въ кружку въ

трамваѣ, если недоборъ отъ небольшого числа недобросовѣстныхъ проѣздовъ будетъ хотя 10 — 20 тыс., то выгоднѣе уничтожить контроль. Контроль отмираетъ какъ ненужный, убыточный и оскорбительный для огромнаго большинства сознательныхъ и честныхъ людей. То же будетъ въ одинъ прекрасный моментъ и съ государствомъ, которое отомретъ въ развитомъ коммунистическомъ обществѣ даже въ видѣ своихъ немногихъ сохранившихся остатковъ. Этотъ моментъ будетъ моментомъ фактической зрѣлости человѣка для полнаго свободнаго коммунизма, гдѣ обязанности выполняются только потому, что они сознаны какъ необходимыя для общества, а не потому, что общество насильственно не дастъ своимъ отдѣльнымъ членамъ уклониться отъ ихъ выполненія.

Въ своемъ предисловіи къ «Классовой борьбѣ во Франціи» Ф. Энгельсъ очень ярко оттѣнилъ преходящій характеръ даже рабочаго государства въ слѣдующихъ строкахъ:

... государство есть не что иное, какъ орудіе угнетенія одного класса другимъ; это относится къ демократической республикѣ не менѣе, чѣмъ къ монархіи. Въ лучшемъ случаѣ государство есть зло, которое пролетаріатъ, одержавшій побѣду въ борьбѣ за классовое господство, получитъ себѣ въ наслѣдство. Пролетаріату неизбѣжно придется такъ же, какъ и Парижской коммунѣ, немедленно урѣзать, насколько только возможно, худшія стороны этого зла, пока новое поколѣніе, выросшее въ новомъ свободномъ общественномъ строѣ, окажется въ силахъ отдѣлаться отъ всего этого хлама, какихъ бы то ни было государственныхъ учрежденій. («Класс. борьба во Франціи», изд. Прибой, 1917 г.).

Въ періодъ борьбы за коммунизмъ пролетарское государство должно и будетъ существовать, а продолжительность его жизни будетъ опредѣляться силой сопротивленія имущихъ классовъ. Поскольку уже теперь выясняется, мировая буржуазія способна развить огромныя

силы сопротивленія, даже побѣда пролетарской революціи въ Европѣ не избавитъ рабочій классъ отъ необходимости добивать буржуазное господство въ Америкѣ и Японіи, а первое время, быть можетъ, даже и защищаться отъ этихъ хищниковъ можно смѣло утверждать, что пролетарскому государству еще придется поработать годы, если не десятки лѣтъ для уничтоженія царства капитала во всѣхъ углахъ свѣта.

Посмотримъ теперь, что думаютъ анархисты о пролетарскомъ государствѣ и какъ на практикѣ относятся къ нему.

Анархисты и пролетарское государство.

Анархисты являются противниками всякой государственной власти и всякаго организованнаго насилія. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ о государствѣ П. Кропоткинъ.

«Мы видимъ въ немъ учрежденіе, которое, въ теченіе всей исторіи человѣческихъ обществъ служило для того, чтобы мѣшать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитію мѣстнаго почина, душить уже существующія вольности и мѣшать возникновенію новыхъ. И мы знаемъ, что учрежденіе, которое прожило уже нѣсколько столѣтій и прочно сложилось въ извѣстную форму ради того, чтобы выполнить извѣстную роль въ исторіи, не можетъ быть приноровлено къ роли противоположной» (П. Кропоткинъ, «Государство и его историческая роль»).

Малатеста пишетъ: «Государство ничего не создаетъ: даже будучи доведено до совершенства, оно лишнее учрежденіе, безполезно расточающее народныя силы. (Э. Малатеста «Краткая система анархизма»).

Въ приведенныхъ строкахъ надо различать двѣ мысли. Во-первыхъ, протестъ противъ эксплуататорскаго государства и подчерки-

ваніе полной невозможности использовать этотъ старый аппаратъ угнетенія для освобожденія трудящихся классовъ. Въ этомъ пунктѣ между коммунистами и анархистами нѣтъ разногласій. Во-вторыхъ, протестъ противъ всякаго, въ томъ числѣ и пролетарскаго, государства.

И вотъ, когда отвращеніе, которое внушаетъ угнетательское государство, анархисты пытаются перенести и на трудовое государство, возникающее какъ боевая организація угнетенныхъ массъ, то между коммунистами и анархистами въ этомъ пунктѣ цѣлая пропасть. Анархистъ, который вслѣдъ за Малатестой (не знавшимъ примѣра пролетарскаго государства) сталъ бы даже передъ лицомъ рабочаго государства, ведущаго отчаянную борьбу съ міровымъ капиталомъ, повторять какъ попугаи, что и данное государство есть учрежденіе «безполезно расточающее народныя силы». такой анархистъ доказывалъ бы лишь, что въ его собственной головѣ царитъ самая идеальная анархія. Даже дѣтямъ излишне доказывать, что организованная борьба протекаетъ успѣшнѣй для той стороны, которая лучше организована. Организація класса въ государство есть наивысшая форма организаціи, доступная классовому обществу и удесятеряющая силы того класса, которому удалось такъ сплотиться. Поэтому-то пролетаріатъ, организовавъ свое государство, не «безполезно расточаетъ народныя силы», а сберегаетъ эти силы, добивается побѣды надъ буржуазіей съ наименьшей тратой этихъ силъ. И наоборотъ, наибольшую трату силъ обезпечиваетъ борьба по методу анархистовъ. Но объ этомъ ниже.

Когда теоретикамъ анархизма приходилось отвѣчать на вопросъ, какъ отнеслись бы они къ трудовому государству, если бъ таковое возникло, то они уклонялись отъ отвѣта на этотъ вопросъ ссылкой на то, что трудового, пролетарскаго государства существовать не можетъ: государство всегда было, есть и будетъ организаціей меньшин-

ства, и въ жизни не можетъ быть такого случая, чтобы большинству народа пришлось взять въ свои руки власть. Если бъ трудовымъ массамъ удалось побѣдить въ борьбѣ своихъ угнетателей, то для этихъ массъ государственная организація была бы совершенно ненужной. Но жизнь, какъ разъ дала примѣры пролетарскаго государства, очень зло посмѣялась надъ теоретиками анархизма и потребовала ихъ къ отвѣту, увильнуть отъ котораго было уже невозможно.

А этотъ, жизнью поставленный, вопросъ дѣйствительно является для анархизма убійственнымъ. Либо надо признать, что не всякое государство, не всякое организованное насиліе является вреднымъ для рабочаго класса, а лишь государство эксплуататоровъ. Но этимъ самымъ анархизмъ допустилъ бы пробить брешь въ самомъ существенномъ пунктѣ своего ученія, ему пришлось бы съ неба абсолютныхъ утвержденій и мертвыхъ фразъ спуститься на землю живой дѣйствительности. Либо надо было и рабочее государство, государство удушенія эксплуататоровъ, государство дисциплины въ средѣ самихъ трудящихся, признать организаціей вредной, объявить ей войну и такимъ образомъ очутиться въ компаніи озлобленныхъ буржуазныхъ контръ-революціонеровъ.

Посмотримъ, какъ пытались анархисты выйти изъ этого положенія.

Первый опытъ пролетарскаго государства далъ Парижская коммуна. Отрицать освободительный характеръ этой замѣчательной организаціи анархизмъ не могъ. И вотъ мы видимъ, что, напримѣръ, Петръ Кропоткинъ просто выдаетъ Парижскую коммуну за коммуну анархическую. На примѣрѣ Парижской коммуны онъ рекомендуетъ учиться тому, какъ надо дѣлать соціальную революцію, и старается не замѣтить или просто не понимаетъ, какъ на расчищенной революціей почвѣ начало складываться новое, невиданное въ исторіи, пролетарское государство. Въ своей брошюрѣ «Анархія» Петръ Кропот-

кинъ пишетъ: «Въ революціи разрушеніе составляетъ только часть работы революціонера. Ему приходится, кромѣ того, сейчасъ же строить вновь. И вотъ эта постройка можетъ произойти либо по старымъ рецептамъ, заученнымъ изъ книгъ и навязываемымъ народу всѣми защитниками стараго, всѣми неспособными додуматься до новаго. Или же перестройка начнется на новыхъ началахъ, т.-е. въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ начнется самостоятельная постройка соціалистическаго общества, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ общихъ началъ, усвоенныхъ массою, которая будетъ искать ихъ практическаго осуществленія на мѣстахъ, въ сложныхъ отношеніяхъ, свойственныхъ каждой мѣстности».

И въ качествѣ примѣра такого строительства Кропоткинъ приведетъ опытъ Парижской коммуны, при чемъ ему больше всего нравится, что Парижъ былъ провозглашенъ тогда «независимымъ городомъ». Что эта независимость была прежде всего независимостью отъ Тьера, контръ-революціоннаго буржуазнаго правительства Версаля и черносотенной деревенщины, и только постольку была революціонной, объ этомъ Кропоткинъ умалчиваетъ. По существу же Коммуна стремилась охватить всю Францію, всю страну превратить въ организацію пролетарскаго господства и вслѣдствіе неудачи въ этомъ направленіи погибла.

Въ общемъ же и цѣломъ Парижская коммуна представляетъ изъ себя примѣръ не коммуны анархической, а зародышъ пролетарскаго государства—коммуны.

Что это былъ опытъ именно государства—хотя и новаго типа, это ясно каждому, кто знакомъ съ исторіей Парижской коммуны и не имѣетъ интереса извращать или превратно толковать ея сущность.

Коммуна имѣла на-лицо всѣ важнѣйшіе признаки столь ненавистнаго анархистамъ государства. Она, во-первыхъ, была органомъ законодательнымъ и издала рядъ декретовъ, обязательныхъ для всѣхъ

и проводившихся въ жизнь подъ страхомъ репрессій. Она не устранила судъ, а лишь провозгласила выборность судей народомъ. Она не уничтожила арміи и военной дисциплины, неизбѣжной въ каждой арміи, не желающей терпѣть лишь пораженія, а имѣла армію, основанную на всеобщемъ вооруженіи рабочихъ. И такъ далѣе.

Въ общемъ, коммуна представляла изъ себя государство, приспособленное къ интересамъ пролетаріата, къ интересамъ подавленія буржуазіи, государство угнетенныхъ, объявившее войну угнетателямъ.

П. Кропоткинъ не могъ или не хотѣлъ понять сущности Парижской коммуны и, спасая несостоятельность своей теоріи, затушевалъ государственный элементъ этого соціалистическаго опыта парижскихъ рабочихъ. Наоборотъ, наши учителя К. Марксъ и Ф. Энгельсъ съ геніальной проницательностью опредѣлили Коммуну какъ типъ государства, создаваемый побѣждающимъ пролетаріатомъ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Фридрихъ Энгельсъ о Парижской коммунѣ въ предисловіи къ брошюрѣ К. Маркса «Классовая борьба во Франціи»:

«Въ послѣднее время нѣмецкій филистеръ опять начинаетъ испытывать спасительный ужасъ при словахъ диктатура пролетаріата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетаріата».

К. Марксъ въ той же брошюрѣ писалъ о коммунѣ: «Тайна ея (т.-е. коммуны. Е. П.) заключается въ томъ, что она, по существу своему, была правительствомъ рабочаго класса».

И еще К. Марксъ писалъ о коммунѣ какъ о рабочемъ правительствѣ:

«Немногія, но важныя функціи, оставшіяся еще у центральнаго правительства, должны были быть не уничтожены, какъ ложно говорили враги коммуны, а лишь переданы коммунальнымъ чиновникамъ, т.-е. такимъ, которые были строго отвѣтственны».

Такихъ цитатъ изъ произведеній нашихъ великихъ учителей можно было бы привести значительно больше. И всѣ эти цитаты не только показывали бы, что К. Марксъ и Ф. Энгельсъ считали Парижскую коммуну правительствомъ рабочаго класса, но что они доказывали эту истину цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ жизни и дѣятельности этой пролетарской государственной организаціи.

Второй примѣръ пролетарскаго государства дала Совѣтская Россія послѣ октябрьскаго переворота. Какъ же отнеслись анархисты къ этому грандіозному опыту созданія рабоче-крестьянскаго государства?

Какъ и Парижская коммуна, Совѣтская Россія уже самымъ фактомъ своего существованія является нагляднѣйшимъ опроверженіемъ анархическаго предразсудка о томъ, что **всякая власть** есть власть угнетательскаго меньшинства, что невозможно и ненужно большинству трудящихся организоваться въ государство для подавленія буржуазнаго меньшинства. Но если Парижскую коммуну Кропоткинъ осмѣливался выдавать за коммуну анархическую, то устроить такую операцію съ Совѣтской Россіей было невозможно. Октябрьская революція проходила подъ лозунгомъ «вся власть совѣтамъ». Ненавистное для анархиста слово «власть» было на-лицо, и это слово превратилось въ дѣло, когда коалиціонное министерство было свергнуто и началъ укрѣпляться государственный совѣтскій аппаратъ пролетарской диктатуры. Анархисты, вмѣстѣ съ большевиками участвовали въ октябрьской революціи. Въ одержанной побѣдѣ есть доля и ихъ усилій. Но они играли революціонную роль въ октябрьскомъ движеніи не благодаря своему анархизму, а несмотря на него, т.-е. **не отрицаніе всякой власти вообще, а борьба съ данной буржуазной властью** дѣлало ихъ союзниками пролетаріата, который боролся не за безвластіе, а за переходъ власти въ его руки. Конечно, анархисты всегда старались подчеркивать въ своихъ выступленіяхъ, что борются съ буржуазіей во имя анархіи, но это не мѣшало дѣлу, потому что, помогая

свернуть власть буржуазіи, они помогали побѣдить власти пролетаріата.

Послѣ октябрьской революціи среди русскихъ анархистовъ можно различить три теченія по ихъ отношенію къ совѣтской власти. Одна часть анархистовъ разсуждаетъ приблизительно такимъ образомъ: совѣтская власть борется противъ буржуазіи русской и международной. Пока эта борьба не кончена, необходимо поддерживать совѣтскую власть, хотя бы анархія и означала болѣе совершенный общественный строй. Бороться противъ совѣтской власти, когда буржуазія еще не побѣждена, значитъ помогать буржуазіи. Такъ разсуждаетъ меньшая часть анархистовъ.

Другая часть держится совершенно противоположнаго мнѣнія. Она полагаетъ, что совѣтская власть есть, прежде всего, **власть**, а власть, какая бы она ни была и что бы она ни дѣлала, анархисты должны разрушать всегда, при всякихъ условіяхъ. А потому: долой всякую власть, въ томъ числѣ и совѣтскую, долой немедленно, и да здравствуетъ анархія!

Между этими двумя крайними теченіями существуетъ среднее теченіе, которое склоняется то въ ту, то въ другую сторону, смотря по обстоятельствамъ, и все время старается подчеркивать, что совѣтская **власть**—это одно, совѣты же совсѣмъ другое. Это промежуточное теченіе, едва ли не составляющее большинство среди русскихъ анархистовъ, по отношенію къ совѣтской власти держится правила «постольку, поскольку». Поскольку анархисты находятъ, что политика совѣтской власти въ данный моментъ соотвѣтствуетъ интересамъ анархизма, они ослабляютъ свой натискъ на нее и даже поддерживаютъ ее. Если по ихъ глубокомысленному заключенію эта политика не революціонна, они выступаютъ въ такихъ случаяхъ не только противъ той или иной мѣры, а главнымъ образомъ, противъ совѣтской власти вообще. Каждый понимаетъ, что такое отношеніе къ совѣтской вла-

сти обнаруживаетъ полную растерянность со стороны анархистовъ, ихъ полную неспособность занять по отношенію къ пролетарскому государству принципіально выдержанную позицію.

Первая группа анархистовъ, о которой мы говорили, честно и открыто становится на сторону совѣтской власти, не закончившей своей работы по подавленію эксплуататорскихъ классовъ, и тѣмъ честно и открыто признаетъ на дѣлѣ (хотя, быть можетъ, и умалчивая на словахъ), что пролетарское государство существовать можетъ, что въ лицѣ совѣтской Россіи оно на практикѣ существуетъ, что анархизмъ оказался неправъ въ существеннѣйшемъ изъ пунктовъ своего ученія, въ вопросѣ о государствѣ. Эта группа поступаетъ такъ, какъ подсказываетъ здоровый революціонный инстинктъ въ революціонное время, но зато она кладетъ подъ сукно книжныя разсужденія Кропоткинныхъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи оказывается группа анархистовъ-книжниковъ, которые какъ попугаи повторяютъ то, что было написано теоретиками анархизма десятки лѣтъ назадъ. Теоретики анархизма представляли себѣ переходъ отъ эксплуататорскаго государства къ обществу безъ всякаго государства въ очень упрощенномъ видѣ: начинается соціальная революція, буржуазное государство уничтожается и наступаетъ царство анархической свободы. Но... «гладко писано въ бумагѣ, да забыли про овраги». На дѣлѣ историческое развитіе пошло путемъ, который былъ предсказанъ не Бакунинымъ и Кропоткинымъ, а «коммунистическимъ манифестомъ» и его авторами. Борьба пролетаріата за уничтоженіе буржуазнаго господства потребовала созданіе пролетарскаго государства и между государствомъ эксплуататорскаго меньшинства и будущимъ обществомъ, свободнымъ отъ государства, создалось промежуточное звено, создалось переходное государство трудового большинства. Такъ обстояло дѣло на практикѣ, въ реальной дѣйствительности. Но для

анархиста-книжника этой реальной дѣйствительности не существуетъ. Предразсудки и недомыслiе теоретиковъ анархизма, занесенные на печатную бумагу, для него цѣннѣй и дороже жизненнаго опыта революцiи. Анархистъ-книжникъ не замѣчаетъ **пролетарскаго** государства, или, вѣрнѣе, въ пролетарскомъ государствѣ онъ замѣчаетъ именно ненавистное ему **государство** и кричитъ: долой совѣтскую власть тогда, когда этотъ же крикъ еще громче несется со стороны всей буржуазной и монархической контръ-революцiи. Правда, буржуа и монархистъ, крича: «долой совѣтскую власть», напираютъ на слово **совѣтскую,** анархистъ же напираетъ на слово «власть», на практикѣ же получается настоящiй дѣловой союзъ по сверженiю данной, конкретной, въ жизни существующей и добивающей буржуазное господство совѣтской власти.

Но анархисты-книжники, «послѣдовательные» анархисты имѣютъ все же одно утѣшенiе (нѣтъ худа безъ добра!). Именно, они являются хранителями до конца всѣхъ завѣтовъ анархизма, ихъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они отказались отъ одной изъ своихъ «истинъ», касающейся отношенiя къ государству. Право на это утѣшенiе мы должны за этими анархистами признать, тѣмъ болѣе что за него заплачено слишкомъ дорого, заплачено союзомъ съ контръ-революцiей.

Что же касается промежуточной группы анархистовъ, которая балансируетъ между устарѣвшей книжной премудростью Кропоткина и запросами живой дѣйствительной революцiи, то эта группа въ сущности отказывается на практикѣ отъ того положенiя анархизма, согласно которому всякая власть всегда лишь давитъ трудовой народъ и не можетъ никогда ему служить. Поддерживая на практикѣ рядъ мѣропрiятiй совѣтской власти, направленныхъ противъ буржуазiи и имперiализма, анархисты, безъ лишнихъ словъ, но очень краснорѣчиво, признаютъ, что существуетъ и такая власть, которая

давить эксплуататоровъ въ интересахъ трудящихся. Но сдѣлать такое признаніе для правовѣрнаго анархиста равносильно самоубійству. Какъ началъ различать между властью буржуазной и властью трудовой—пиши пропало. Придется признать тогда, что разъ борьба идетъ между двумя возможностями: между властью Скоропадскихъ и Совѣтской властью (а таково положеніе въ маѣ—іюлѣ 1918 г.), то либо устраняйся отъ всякой борьбы, уходи отъ революціи, либо становись на сторону трудовой власти противъ власти буржуазныхъ палачей. А возможность такого выбора совсѣмъ не была предусмотрѣна теоретиками анархизма, и ихъ русскимъ ученикамъ приходится «своимъ умомъ» рѣшать, какъ выйти изъ такого положенія. Изъ этого положенія они пытаются выйти по разному, но въ концѣ-концовъ всегда оказываются передъ двумя дорогами: либо остаться вѣрнымъ анархическимъ предразсудкамъ и служить контръ-революціи, либо служить революціи, но отбросить въ сторону предразсудки о гибельности для народа всякой власти, во всякое время.

Какъ мы видѣли выше, Кропоткинъ, поставленный передъ фактомъ зародышеваго пролетарскаго государства въ лицѣ Парижской коммуны, нашелъ соломоново рѣшеніе для анархизма въ томъ, что, такъ сказать, экспропріировалъ Парижскую коммуну, объявивъ ее коммуной анархической. Нашимъ же анархистамъ исторія преподнесла орѣхъ покрѣпче, и этотъ орѣхъ—совѣты.

Что такое совѣты?

Буржуазныя, соглашательскія партіи и анархисты видѣли въ совѣтахъ прежде всего то, что имъ хотѣлось видѣть. Соглашательскія партіи не считали совѣты за органы пролетарской власти, и они объявили ихъ профессіонально-классовыми организаціями, способными лишь контролировать власть, и приложили всѣ усилія удержать ихъ въ такомъ жалкомъ положеніи, насколько хватило ихъ силъ.

Анархисты общими силами дали свой отвѣтъ на вопросъ прибли-

зительно въ такомъ духѣ: совѣты не органы власти, а органы воли трудового народа. Только государственники-большевики стараются извратить ихъ природу и превратить ихъ въ органы власти.

Столь жалкій отвѣтъ доказываетъ лишній разъ, что одинъ уже фактъ существованія совѣтовъ является живымъ опроверженіемъ всѣхъ построеній анархистовъ въ вопросѣ о государствѣ, и застаетъ ихъ совершенно неподготовленными для оцѣнки этихъ органовъ.

Попытка увернуться и слово «власть» замѣнить словомъ «воля трудового народа» не спасаетъ анархистовъ, припертыхъ здѣсь къ стѣнѣ самымъ ходомъ нашей революціи. Мы согласны, что совѣты— это органы воли трудового народа. А развѣ воля трудового народа не можетъ быть и волей къ власти?

На дѣлѣ вѣдь такъ и оказалось, что органы трудового народа проявили волю къ власти, обратились въ органы власти и не могли не обратиться въ нихъ, чтобъ обезпечить побѣду пролетарской революціи. Что жъ выигрываетъ анархизмъ, объявляя совѣты органами не власти пролетаріата, а воли пролетаріата?

Ровно ничего. Анархисты запутываются лишь въ словахъ и часто дѣлаютъ изумительные по своей нелѣпости выводы, а именно: нѣкоторые изъ нихъ склонны разсуждать такъ: разъ совѣты превращаются въ органы власти и создаютъ центральную совѣтскую власть, они перестаютъ быть совѣтами, выражающими волю трудового народа. Иными словами, разъ совѣты не поступаютъ по рецепту анархистовъ, они не выражаютъ воли трудового народа!

Но можетъ ли вообще совѣтъ, какъ собраніе депутатовъ, избранныхъ трудящимися, выражать волю этихъ трудящихся? Для анархиста это очень серьезный вопросъ. Читатель долженъ помнить, что Малатеста и рядъ другихъ теоретиковъ анархизма очень усердно доказывали всегда, что выбранный въ то или иное учрежденіе можетъ выражать свою волю, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ выразить

воли сотенъ и тысячъ различныхъ людей. По настоящему, послѣдовательный анархистъ долженъ былъ бы и совѣты считать органами, которые не могутъ выражать волю массъ. Но здѣсь даже не всѣ книжники анархизма рѣшаются клеветать на совѣты и объявлять ихъ органами, не выражающими волю пролетаріата. Такимъ образомъ и здѣсь самый фактъ существованія совѣтовъ и ихъ работы заставилъ анархистовъ распроститься съ однимъ изъ своихъ предразсудковъ.

Но если отдѣльный совѣтъ является органомъ, выражающимъ волю трудового народа, то какъ тогда должны расцѣнивать анархисты съѣздъ совѣтовъ?

Здѣсь часть анархистовъ идетъ на попятную и утверждаетъ, что съѣздъ совѣтовъ уже не можетъ выражать воли народа.

Когда же съѣздъ совѣтовъ выбираетъ центральный комитетъ и совѣтъ народныхъ комиссаровъ, то всѣ анархисты согласны, что съѣздъ не выражаетъ воли трудового народа и еще меньше выражаютъ ее выбранныя имъ учрежденія.

Чтобы вся непослѣдовательность и нелѣпость точки зрѣнія анархистовъ была наиболѣе очевидна, поясникъ ее маленькимъ примѣромъ.

Если въ какой-либо Ивановской волости, имѣющей излишки хлѣба, правильно избранный волостной совѣтъ постановилъ эти излишки не отдавать въ городъ, то это будетъ выраженіе «воли трудового народа». А если Всероссійскій съѣздъ совѣтовъ, для спасенія умирающихъ съ голоду рабочихъ и крестьянъ неурожайныхъ губерній, постановляетъ всѣ излишки хлѣба въ странѣ извлечь изъ деревни, а въ частности и изъ Ивановской волости, то это не будетъ выраженіе воли трудового народа, а проявленіе власти и насилія.

Такимъ образомъ, подводя итоги сказанному объ отношеніи анархистовъ къ пролетарскому государству, мы приходимъ къ слѣдую-

щему заключенію. Такъ какъ появленіе пролетарскаго государства совершенно не предусматривалось анархистами и ходъ соціальной революціи они представляли себѣ совершенно иначе, чѣмъ это произошло въ дѣйствительности, то уже одно появленіе совѣтовъ, какъ зародышей пролетарской власти, заставило ихъ растерять многіе изъ ихъ предразсудковъ, полстолѣтія почитавшихся истинами. Когда же сѣть совѣтовъ сплелась послѣ октябрьской революціи въ единое цѣлое и образовала остовъ пролетарско-крестьянскаго государства, начавшаго борьбу за уничтоженіе классовъ, то сама жизнь поставила анархистовъ передъ дилеммой: либо разрушить совѣты какъ органы власти, либо поддерживать ихъ какъ орудіе разрушенія буржуазнаго строя.

Въ результатѣ, анархисты не смогли удержаться на принципіально выдержанной позиціи и въ настоящій моментъ находятся въ состояніи полнаго теоретическаго разброда.

Хозяйство коммунистическое и хозяйство анархическое.

Выше мы видѣли, что борьба анархистовъ противъ пролетарскаго государства, когда это государство не закончило своей работы по подавленію сопротивленія эксплуататоровъ, съ неизбѣжностью и помимо ихъ воли дѣлаетъ ихъ союзниками контръ-революціонеровъ. Въ области хозяйственной дѣло обстоитъ еще хуже. Самый экономическій идеалъ анархизма является лишь мелкобуржуазнымъ изданіемъ капиталистическаго товарнаго хозяйства и является шагомъ назадъ даже въ сравненіи съ развитымъ капитализмомъ.

Чтобы различіе коммунистической и анархической программъ въ области экономическаго переустройства общества выступило наиболѣе отчетливо, мы въ краткихъ чертахъ нарисуемъ сначала задачи коммунизма въ области производства и распредѣленія.

Читатель долженъ при этомъ имѣть въ виду, что намъ приходится говорить все время не только объ идеальномъ коммунистическомъ хозяйствѣ, какимъ оно рисуется намъ, какъ конечная цѣль борьбы, но и объ отношеніяхъ переходнаго періода, въ который Россія уже вступила, а Европа вступитъ на другой день послѣ завоеванія власти пролетаріатомъ.

Коммунизмъ—это такой общественный строй, при которомъ всѣ орудія производства находятся въ общей собственности трудящихся, каждый работникъ работаетъ по своимъ силамъ и каждый членъ общества получаетъ изъ общественнаго запаса количество продуктовъ по своимъ потребностямъ. Такой общественный строй является самымъ совершеннымъ, самымъ идеальнымъ общественнымъ строемъ для каждаго трудящагося человѣка. Но этотъ строй предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое совершенство организаціи, такую сознательность и привычку къ общественному труду работниковъ, такой прогрессъ въ области техники, отъ какихъ мы теперь еще весьма и весьма далеки. Если каждый будетъ потреблять по потребностямъ, а не по опредѣленной нормѣ, это будетъ означать, что продуктовъ производства больше, чѣмъ требуется ихъ для нуждъ потребленія.

Осуществленіе полнаго коммунизма потребуетъ поэтому извѣстнаго и быть можетъ довольно значительнаго времени, при чемъ съ окончаніемъ борьбы противъ эксплуататоровъ и съ превращеніемъ всѣхъ въ работниковъ новаго общества начнется длительная и упорная борьба внутри самихъ трудящихся за наиболѣе совершенный типъ организаціи общества, борьба за большую сознательность, за товарищескую дисциплину въ трудѣ и коммунистическое равенство въ потребленіи.

Въ общемъ коммунистическое переустройство должно происходить приблизительно въ слѣдующей послѣдовательности. Начатая теперь націонализація фабрикъ и заводовъ должна закончиться переходомъ

къ трудящимся массамъ всѣхъ орудій производства. Когда эта работа закончится, мы будемъ имѣть соціализацію орудій производства и средствъ обращенія (т.-е. желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и т. д.).

Одновременно съ соціализаціей орудій производства (націонализація при трудовой соціалистической рабочей власти и есть самая настоящая соціализація) необходимо провести строгій учетъ всѣхъ рабочихъ силъ страны, всѣхъ орудій и запасовъ, а также подсчитать необходимое для потребленія всего населенія количество продуктовъ. Размѣры производства будутъ приспособлены къ размѣрамъ потребленія. Каждая отрасль промышленности получаетъ свой урокъ, высчитанный согласно потребности въ этомъ продуктѣ во всей странѣ, и рабочіе этой профессіи должны будутъ данный урокъ выполнить во что бы то ни стало, потому что отъ выполненія уроковъ по отдѣльнымъ отраслямъ и профессіямъ будетъ зависѣть нормальное функціонированіе всего огромнаго и сложнаго промышленнаго механизма страны. Руководство промышленной дѣятельности будетъ находиться въ центральномъ совѣтѣ народнаго хозяйства, который будетъ дѣйствовать черезъ областные и губернскіе совѣты, а на отдѣльномъ заводѣ агентомъ этой организаціи и руководителемъ производства будетъ фабрично-заводской комитетъ или другая организація такого же типа. Никакое планомѣрное коммунистическое хозяйство невозможно безъ совершенно поставленной всеобщей статистики и безъ центральнаго руководства распредѣленіемъ рабочихъ силъ и орудій производства.

Благодаря такому сознательному руководству всей промышленной дѣятельностью, при коммунистическомъ строѣ не можетъ существовать перепроизводства продуктовъ въ такомъ размѣрѣ, чтобъ, изготовленные въ огромномъ излишкѣ, они портились и потраченный на нихъ трудъ оказался пропащимъ, какъ часто бываетъ при капиталистическомъ строѣ. Невозможенъ съ другой стороны и огромный

недостатокъ тѣхъ или иныхъ продуктовъ, потому что производство будетъ на основаніи болѣе или менѣе точнаго подсчета приспособлено къ размѣрамъ потребленія. Не будетъ благодаря всему этому и безработицы.

Въ противоположность коммунизму капитализмъ представляетъ изъ себя экономическій строй безъ головы.

Въ погонѣ за прибылью фабриканты производятъ то или иное количество продукта на-угадъ. Когда происходитъ перепроизводство товаровъ, то рынокъ бьетъ тревожный набатъ, цѣны падаютъ. Когда продуктовъ не хватаетъ, цѣны повышаются, и въ погонѣ за прибылью капиталъ приливаетъ въ эти отрасли промышленности, производство въ нихъ расширяется, потребность въ недостающихъ товарахъ удовлетворяется и удовлетворяется болѣе чѣмъ надо, потому что капиталистическій неуклюжій механизмъ не можетъ остановиться, гдѣ нужно, въ своемъ стихійномъ бѣгѣ и недопроизводство смѣняется перепроизводствомъ. При капиталистическомъ хозяйствѣ производство приспособляется къ потребленію чисто стихійно, черезъ рынокъ.

Такой способъ приспособленія дорого обходится человѣчеству, онъ сопряженъ съ огромной непроизводительной тратой силъ. При коммунизмѣ этой растраты общественнаго труда не будетъ, потому что роль рынка, поскольку рынокъ способствуетъ перераспредѣленію рабочихъ силъ согласно нуждамъ расширяющагося или сокрушающагося потребленія, будетъ замѣнена работой статистика.

А это будетъ значить, что трудовое общество само сознательно будетъ распредѣлять между всѣми своими членами имѣющуюся работу, что оно придѣлаетъ въ лицѣ центральнаго статистическаго бюро ту голову къ хозяйственному организму, котораго не хватало при капитализмѣ.

Какъ увидимъ ниже, анархизмъ предполагаетъ оставить общество такимъ же безголовымъ, какимъ оно является при капитализмѣ,

и въ сознательномъ регулированіи производства усматриваетъ покушеніе на свободу личности производителя. Боязнь съ точки зрѣнія мелкаго буржуа-хозяйчика вполнѣ основательная!

Мы являемся коммунистами менѣе всего потому, что владѣніе фабриками и заводами на коммунистическихъ началахъ справедливѣе, чѣмъ частная собственность на орудія производства. Грошъ была бы цѣна этой справедливости и коммунизму, если бъ онъ не былъ огромнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ капитализмомъ въ области развитія производительныхъ силъ. Еслибъ, допустимъ, американскій рабочій изготовлялъ въ среднемъ при 8-часовомъ рабочемъ днѣ въ капиталистическомъ обществѣ количество продуктовъ больше, чѣмъ при коммунизмѣ, еслибъ, несмотря на вычетъ въ пользу капиталиста, онъ получилъ продуктовъ въ видѣ заработной платы больше, чѣмъ получаетъ при коммунизмѣ, то коммунизмъ означалъ бы ухудшеніе жизни, а не улучшеніе ея. Въ дѣйствительности, разумѣется, коммунизмъ открываетъ широкую возможность для огромнаго подъема производительности труда, а, слѣдовательно, и для огромнаго увеличенія дохода работника въ сравненіи съ капитализмомъ (при томъ же рабочемъ времени).

Но этотъ подъемъ производительности можетъ быть достигнутъ, главнымъ образомъ, въ результатѣ усовершенствованія техники. Употребленіе же машинъ означаетъ, что человѣкъ не прямо дѣлаетъ, напримѣръ, иголки, а идетъ къ производству окольнымъ путемъ, сдѣлавъ предварительно машину, дѣлающую иголки. Трудъ, потраченный на изготовленіе машины, меньше того труда, который машина сбережетъ, пока не износится. Въ этомъ весь смыслъ техническаго прогресса, въ этомъ и всѣ надежды коммунизма на болѣе быстрое, чѣмъ при капитализмѣ, развитіе производительныхъ силъ. Если изобрѣтена какая-либо машина, сберегающая трудъ, то капиталистъ далеко не всегда пускаетъ ее въ ходъ. Для предпринимателя важно

не то, что машина сберегаетъ трудъ и общественно полезна: для него весь вопросъ заключается въ томъ, приноситъ ли использованіе этой машины прибыль и есть ли выгода ее пріобрѣсти. Въ результатѣ сберегающія трудъ машины въ капиталистическомъ обществѣ не находятъ себѣ часто примѣненія только потому, что при низкихъ заработныхъ платахъ пріобрѣтеніе и использованіе такихъ машинъ капиталистически невыгодно.

Коммунистическое хозяйство не будетъ имѣть этого препятствія на своемъ пути, и всякая сберегающая трудъ машина найдетъ при немъ свое примѣненіе и вообще весь центръ тяжести при этомъ типѣ хозяйства перенесется въ сторону наибольшаго совершенствованія техники. Милліонныя массы будутъ заинтересованы въ этомъ, милліоны, а не жалкіе десятки и сотни, какъ теперь, будутъ напрягать свои изобрѣтательскія способности, чтобы чѣмъ-нибудь помочь въ общемъ дѣлѣ. Въ результатѣ, очень обширная и чрезвычайно важная уже при капитализмѣ хозяйственная дѣятельность, направленная на производство машинъ и орудій труда, т.-е. на производство средствъ производства, при коммунизмѣ получитъ небывало важное и колоссальное значеніе. Но тѣмъ болѣе важное значеніе имѣетъ правильное распредѣленіе рабочихъ силъ такимъ образомъ, чтобъ изготовленіе средствъ производства происходило въ пропорціи, соотвѣтствующей изготовленію предметовъ потребленія. Трудность рѣшенія этой задачи еще болѣе возрастаетъ отъ того, что это соотношеніе представляетъ изъ себя вѣчно мѣняющуюся величину: приходится учитывать не только потребности даннаго момента, но и направленіе измѣненія и быстроту этого измѣненія. Капитализмъ кое-какъ справлялся съ этой задачей при системѣ конкуренціи и рыночныхъ цѣнахъ. Лучше рѣшаетъ ту же задачу государственный капитализмъ. Въ совершенствѣ можетъ разрѣшить эту задачу лишь коммунизмъ въ результатѣ ряда лѣтъ практическаго опыта. Но какъ эту

задачу сумѣлъ бы разрѣшить анархизмъ, этого мы совершенно не постигаемъ. Впрочемъ, безграничное невѣжество анархистовъ въ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ экономическихъ вопросахъ такъ велико, что они даже и не представляютъ себѣ всей сложности затронутаго вопроса и никогда не интересовались его изслѣдованіемъ.

Что касается сельскаго хозяйства, то переходъ къ коммунизму въ деревнѣ рисуется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ къ моменту захвата власти пролетаріатомъ будетъ существовать крупное и среднее землевладѣніе, соціалистическое хозяйство на этой площади организовать будетъ не труднѣе, чѣмъ въ крупной промышленности города. Гораздо труднѣй будетъ переходъ къ коммунистическому земледѣлію для мелкаго сельскаго хозяйства и для такихъ странъ, какъ Россія, которыя являются по преимуществу странами мелкаго крестьянскаго хозяйства.

Соціалистическое земледѣліе будетъ первое время существовать лишь на государственныхъ земляхъ, обрабатываемыхъ подъ руководствомъ пролетарскаго государства, на тѣхъ культурныхъ имѣніяхъ, которыя не были разграблены и раздѣлены, а съ самаго начала попали подъ контроль совѣтовъ, на той площади, наконецъ, которую будутъ обрабатывать возникающія теперь въ Россіи въ большомъ количествѣ коммуны деревенской бѣдноты. Въ дальнѣйшемъ, соціалистическое сельское хозяйство, уже само по себѣ болѣе выгодное, чѣмъ самостоятельное сельское хозяйство, будетъ побѣждать въ деревнѣ съ каждымъ годомъ, при могучей поддержкѣ рабочей власти. Обрабатывать землю коммунами, подъ руководствомъ совѣтскихъ агрономовъ, съ примѣненіемъ наиболѣе усовершенствовавшихъ машинъ, удобреній и системъ хозяйства—будетъ значить: меньше работать и больше получать въ сравненіи съ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Когда выгоды соціалистическаго земледѣлія на опытѣ выяснятся для всѣхъ крестьянъ, то на своихъ

самостоятельныхъ мелкихъ участкахъ останутся сидѣть лишь отдѣльные чудаки. Проведеніе въ жизнь хлѣбной монополіи также ускоритъ этотъ процессъ. Сначала въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ будетъ браться на учетъ совѣтовъ весь урожай хлѣбовъ. За вычетомъ количества хлѣба, необходимаго для потребленія деревни до слѣдующаго урожая, весь избытокъ сверхъ этого будетъ поступать въ государственныя хлѣбохранилища, и взамѣнъ этого излишка деревня получитъ отъ продовольственныхъ управъ соотвѣтствующее количество всѣхъ продуктовъ, въ которыхъ нуждается крестьянство. Внутри же самой деревни хозяйство можетъ быть пока либо у всѣхъ на артельныхъ началахъ, либо смѣшанное, либо частное самостоятельное. Въ дальнѣйшемъ, каждая деревня превратится въ ячейку артельнаго хозяйства, а съ другой стороны, разсчетъ съ центральными хозяйственными органами никто не будетъ вести по отдѣльности, а вся коммуна въ цѣломъ.

Такъ постепенно осуществится переходъ въ деревнѣ къ коммунистической обработкѣ земли, границы земельныхъ владѣній отдѣльныхъ деревень и селъ будутъ стерты и вся земледѣльческая площадь будетъ распредѣлена и будетъ обрабатываться согласно научнымъ требованіямъ агрономіи. Отдѣльныя деревенскія коммуны сольются тѣмъ самымъ въ одну великую сельскую коммуну Россіи, а коммуна сельская будетъ составлять съ промышленной коммуной городовъ единое цѣлое.

Распредѣленіе рабочихъ силъ между промышленностью и земледѣліемъ также должно удовлетворять сознательно выработанному на основаніи статистики плану, и опредѣленныя группы трудящихся не смогутъ по произволу заниматься земледѣліемъ тогда, когда тамъ уже имѣется избытокъ рабочихъ силъ, и наоборотъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности, какъ можно будетъ провести при коммунистическомъ хозяйствѣ чередованіе между фабричной и зе-

мледѣльческой работой. Одно лишь важно. Рабочія силы будутъ распредѣляться по опредѣленному плану. Съ желаніями работниковъ, выбирающихъ трудъ сообразно своей склонности, будутъ, конечно, всемѣрно считаться. Но если личное желаніе встрѣтится съ интересами осуществленія опредѣленнаго плана распредѣленія, то посторониться должно личное желаніе, а не интересы милліоновъ, заинтересованныхъ въ нормальномъ ходѣ производства.

Такова будетъ организація производства при коммунистическомъ строѣ. Что же касается распредѣленія, то оно будетъ вытекать изъ характера производства и, начавшись съ половинчатаго коммунизма, закончится полнымъ и безусловнымъ коммунизмомъ.

Посмотримъ теперь къ какому экономическому строю стремится анархизмъ.

Прежде всего, здѣсь необходимо имѣть въ виду, что если цѣли соціализма и коммунизма давно и основательно выяснены въ соціалистической литературѣ, то нельзя того же сказать про цѣли анархистовъ. Въ этой области у нихъ существуетъ полная «свобода мнѣній». Существуютъ анархисты-индивидуалисты буржуазнаго типа, существуютъ анархисты - коммунисты, анархисты - синдикалисты, просто анархисты безъ прибавленій и т. д. Каждое изъ этихъ теченій расходится съ другимъ въ пониманіи наиболѣе желательнаго типа экономическаго устройства. Есть анархическія группы, которымъ самое слово «экономическая организація» кажется противнымъ, потому что напоминаетъ принужденіе, дисциплину или по меньшей мѣрѣ то или другое ограниченіе свободы личности. Другіе, какъ, напримѣръ, анархисты-синдикалисты, слова «организація» не боятся и даже, наоборотъ, считаютъ, что только анархизмъ обезпечиваетъ наивысшую организованность и стойкость въ экономическомъ устройствѣ общества. Въ виду такой разноголосицы по вопросу объ экономическомъ переустройствѣ общества среди анархистовъ мы

выдѣлимъ изъ ихъ разсужденій и теоріи лишь самое общее, въ чемъ почти всѣ группы между собою согласны. Это общее заключается въ томъ, что анархисты, отрицая всякую государственную власть, въ томъ числѣ и пролетарскую, высказываются за передачу орудій производства не всѣмъ трудящимся въ цѣломъ, а отдѣльнымъ товариществамъ, группамъ, артелямъ трудящихся. Затѣмъ анархисты высказываются противъ регулированія производства изъ особаго избраннаго трудящимися хозяйственнаго центра, смѣшивая этотъ центръ съ ненавистнымъ имъ государствомъ. Они стоятъ за то, чтобъ артели-коммуны обмѣнивались между собою своими продуктами и вообще устанавливали свои взаимоотношенія по соглашенію другъ съ другомъ. Въ артель работникъ входитъ свободно, свободна и артель войти въ союзъ съ другими артелями. Что же касается цѣлаго ряда важнѣйшихъ вопросовъ о правильномъ распредѣленіи рабочихъ силъ, о приспособленіи размѣровъ производства по отдѣльнымъ отраслямъ къ размѣрамъ потребленія и т. д., то на всѣ эти вопросы анархисты въ огромномъ большинствѣ сходятся на отвѣтѣ: «разрушимъ сначала капитализмъ, а тамъ сама жизнь покажетъ».

Намъ приходится поэтому разсмотрѣть тѣ неизбѣжныя послѣдствія, къ которымъ привела бы организація общества на анархическихъ началахъ, проведенная по мѣрѣ ломки капитализма. А тамъ, гдѣ анархисты отдѣлываются отъ неразрѣшимыхъ для нихъ вопросовъ фразой о томъ, что «сама жизнь покажетъ», мы должны будемъ посмотрѣть, что же показываетъ «сама жизнь» у насъ въ Россіи, какъ претворяются въ дѣйствительности идеалы анархистовъ и что отъ нихъ остается.

Начнемъ съ перваго основного нашего разногласія съ анархистами: кому должны принадлежать и въ чьемъ распоряженіи должны находиться отбираемыя у капиталистовъ фабрики и вообще всѣ орудія производства. Мы говоримъ: всѣ орудія производства должны при-

надлежать и должны находиться въ распоряженіи всѣхъ трудящихся, всѣхъ работниковъ коммунистическаго общества. Путиловскій заводъ принадлежитъ, напримѣръ, не тѣмъ тысячамъ рабочимъ, которые работаютъ на немъ въ данный моментъ, не тѣмъ даже сотнямъ тысячамъ, которые строили его на протяженіи двухъ десятилѣтій, а каждому работнику страны. И, наоборотъ, каждый путиловскій работникъ долженъ сознавать и чувствовать себя хозяиномъ Иваново-Вознесенскихъ фабрикъ, каменноугольныхъ копей Черемхова, Ленскихъ золотыхъ пріисковъ и всѣхъ орудій труда республики. Орудія труда принадлежатъ всѣмъ и никому въ частности—вотъ истинный коммунизмъ. Но чтобъ эта принадлежность всѣхъ заводовъ всему рабочему классу была не пустой фразой, работники должны избрать особые органы управленія хозяйствомъ, будутъ ли то **отдѣлы Совѣтовъ**, или спеціально избранные рабочими Совѣты народнаго хозяйства—безразлично. Такой всероссійскій хозяйственный центръ и долженъ получить высшее право распоряженія всѣми орудіями производства и рабочими силами страны. Каждый же рабочій на данномъ заводѣ, каждый фабрично-заводскій комитетъ долженъ разсматривать себя какъ уполномоченнаго и агента всего рабочаго класса, агента, которому поручено данное отдѣльное предпріятіе. Всероссійскій хозяйственный центръ долженъ пользоваться правомъ общаго руководства и подлежитъ переизбранію, если не удовлетворяетъ интересамъ большинства работниковъ.

Наоборотъ, анархисты стоятъ за то, чтобы каждая фабрика, заводъ, мастерская и т. д. составляли особую, самостоятельную коммуну. Работающіе въ этой отдѣльной коммунѣ и будутъ ея настоящими хозяевами. Поступить въ коммуну можно съ согласія остальныхъ, слить коммуну съ другой можно лишь съ согласія обѣихъ сторонъ. На дѣлѣ это будетъ значить разбить собственность всѣхъ трудящихся на орудія производства (если можно говорить о собствен-

ности), разбить право коллективнаго распоряженія всѣми орудіями труда на отдѣльные куски, на отдѣльные островки и волѣ всего класса трудящихся поставить преграду въ распоряженіи всѣми орудіями труда. Рабочіе каждаго завода начнутъ смотрѣть на себя, какъ на собственниковъ своего предпріятія и на дѣлѣ превратятся въ мелкихъ буржуа. Анархизмъ окожется въ сущности капитализмомъ безъ капиталистовъ, и каждое предпріятіе вмѣсто одного владѣльца будетъ имѣть сотню, тысячу, а не весь трудящійся людъ страны. Проповѣдь анархизма въ этомъ направленіи не убиваетъ, а какъ разъ, наоборотъ, оживляетъ всѣ мелкобуржуазныя собственническія чувства, которыя сохраняются у рабочаго отъ буржуазнаго общества. Характерно, что за лозунги анархистовъ, направленные противъ передачи высшаго завѣдыванія заводами всему рабочему классу, въ лицѣ его центральныхъ и областныхъ органовъ, цѣпляются какъ разъ наименѣе сознательныя группы рабочихъ.

Слова—«мы сами хозяева», несознательные рабочіе понимаютъ въ томъ смыслѣ, что они могутъ не принимать на свой заводъ другихъ, пришлыхъ рабочихъ, если это имъ почему-либо невыгодно, могутъ вести дѣло не такъ, какъ нужно рабочимъ всей страны, могутъ при сокращеніи работъ удалять съ завода не мѣстныхъ рабочихъ, хотя бы въ другомъ мѣстѣ имъ нельзя было ожидать поступленія на заводы, хотя бы на мѣстѣ наличную работу можно было бы подѣлить равномѣрно между всѣми.

Въ результатѣ, осуществленіе на дѣлѣ лозунга анархистовъ о передачѣ распоряженія каждымъ отдѣльнымъ предпріятіямъ всецѣло въ руки рабочихъ даннаго предпріятія разбиваетъ единый классъ пролетаріевъ на группы и артели мелкихъ буржуа и ведетъ къ междоусобію и внутренней борьбѣ въ рядахъ трудящихся.

Посмотримъ, къ какимъ результатамъ привело бы теперь введеніе анархической системы хозяйства.

Допустимъ, каждый заводъ, каждая деревня представляетъ изъ себя совершенно самостоятельную анархическую коммуну. Каждая коммуна работаетъ что хочетъ, какъ хочетъ и сколько хочетъ. Спрашивается, какъ же будетъ осуществляться распредѣленіе рабочихъ силъ и орудій производства при такой, съ позволенія сказать, системѣ хозяйства? Мы видѣли, какъ эта цѣль, хотя и съ большимъ трудомъ и массовой растратой силъ, достигается при капитализмѣ, какъ та же цѣль, съ гораздо большей легкостью и безъ особыхъ затратъ, будетъ достигнута при коммунизмѣ. При анархическомъ же хозяйствѣ эта цѣль вообще не можетъ быть достигнута. Возьмемъ маленькій примѣръ. Допустимъ, потребленіе угля въ промышленности возрастаетъ быстрѣй, чѣмъ растетъ его добыча. При капиталистическомъ хозяйствѣ о надвигающемся голодѣ дадутъ знать заранѣе, хотя часто и позднѣе, чѣмъ надо, рыночныя цѣны на уголь, которыя станутъ рѣзко подниматься, и повысятъ курсъ акцій угольныхъ предпріятій. Прилившій въ угольную промышленность капиталъ увеличитъ производство, либо найдетъ пути закупки угля за границей. При коммунистическомъ строѣ, на основаніи всеобщаго учета, будетъ заранѣе извѣстно о грозящемъ недостаткѣ угля и предупредительныя мѣры могутъ быть приняты гораздо раньше, чѣмъ при капиталистическомъ строѣ. Что же будетъ при анархическомъ хозяйничаньи отдѣльныхъ коммунъ?

Будетъ то, что о недостаткѣ угля будетъ извѣстно, когда уже нечѣмъ будетъ топить печи. Въ результатѣ пріостановятся употребляющія уголь предпріятія, и тогда придется кому-то позаботиться о расширеніи угольной промышленности. А если расширеніе возможно лишь съ открытіемъ новыхъ рудниковъ, а для новыхъ рудниковъ нужны особые запасы всѣхъ необходимыхъ орудій, и техническаго и рабочаго персонала, то возникаетъ вопросъ, какія организаціи могутъ наладить все дѣло и допускаетъ ли вообще анархизмъ возможность существованія такихъ организацій?

Такой же хаосъ будетъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ труда. Перепроизводство, вмѣстѣ съ безработицей, были бы вѣчнымъ удѣломъ анархическаго хозяйства. Для анархизма было бы лишь два возможныхъ выхода изъ состоянія полнаго разложенія всего хозяйства и массовой непроизводительной растраты силъ: либо сохраненіе цѣликомъ товарнаго хозяйства и рынка, т.-е. чтобы каждая коммуна свою выработку продавала на рынкѣ и на рынкѣ покупала, что ей нужно. Либо необходимъ учетъ рабочихъ силъ, потребностей и запасовъ во всей странѣ центральными и мѣстными органами, руководящими хозяйствомъ, и распредѣленія силъ и орудій не согласно желанію отдѣльныхъ лицъ и коммунъ, а согласно интересамъ всей промышленности въ цѣломъ. Третьяго пути нѣтъ.

Имѣются анархисты, которые въ попыткахъ спасти свободу отдѣльныхъ коммунъ (свобода эта оказалась бы въ дальнѣйшемъ хуже всякой необходимости) не противъ сохраненія товарнаго хозяйства. Для нихъ учителемъ является въ этомъ отношеніи мелко-буржуазный Прудонъ. Другіе, какъ, напримѣръ, анархисты-синдикалисты и анархисты-коммунисты, кой-чему научившіеся у соціалистовъ, не боятся слова учетъ, они за учетъ, но за то, чтобъ этотъ учетъ производили профессіональные союзы (синдикаты) и между собой сговаривались о количествѣ продуктовъ, которые надо выработать въ каждой профессіи.

Конечно, это уже большой шагъ впередъ, но этотъ шагъ безсмысленъ, если не сдѣлать слѣдующаго.

Прежде всего, совершенно безразлично, кто производитъ учетъ необходимаго для производства количества продуктовъ, размѣровъ потребленія, дѣлаетъ учетъ запасовъ и т. д. Вся суть въ томъ, зачѣмъ дѣлать учетъ? Если дѣлать учетъ затѣмъ, чтобъ статистическія таблицы доставили удовольствіе какому-нибудь профессору политической экономіи, то изъ-за этого не стоило бы затѣвать дѣло. Учетъ

необходимъ прежде всего для организованнаго распредѣленія рабочихъ силъ.

Но организованное распредѣленіе далеко не всегда будетъ означать распредѣленіе добровольное, о чемъ такъ заботятся анархисты. Часть работниковъ, несомнѣнно, распредѣлится по профессіямъ согласно своимъ склонностямъ, часть изъ чувства долга передъ обществомъ, часть же должна быть принуждена къ этому путемъ примѣненія трудовой дисциплины.

Но, быть можетъ, извѣстнаго принужденія можно было бы избѣжать, если обезпечить рабочимъ тѣхъ отраслей, гдѣ рабочихъ силъ нехватаетъ, больше выгоды, больше продуктовъ въ сравненіи съ работниками профессій, гдѣ есть избытокъ рабочихъ рукъ?

Это можно было бы провести, но это означало бы неравенство въ распредѣленіи, это былъ бы подкупъ однихъ за счетъ другихъ, своего рода премія за несознательность и непониманіе общихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, анархисты въ области производства стоятъ передъ неразрѣшенной задачей: либо свобода торговли между отдѣльными коммунами, или, какъ они деликатно выражаются, «добровольное соглашеніе» (купля-продажа тоже добровольное соглашеніе), тогда распредѣленія рабочихъ силъ можно добиться тѣмъ же путемъ, какъ при капитализмѣ, но тогда долой всякое равенство, да здравствуетъ свобода конкуренціи, которую такъ ярко отстаивалъ Прудонъ. Либо учетъ и контроль надъ производствомъ въ масштабѣ страны, а потомъ всего міра. Но тогда долой независимыя другъ отъ друга коммуны въ родѣ баронскихъ замковъ и средневѣковыхъ цеховъ, долой всякую боязнь организованнаго распредѣленія, хотя бы въ первое время иногда и принудительнаго, долой личную свободу, гдѣ она мѣшаетъ дѣйствительной свободѣ всѣхъ. Но это значитъ долой анархизмъ, какъ его до сихъ поръ понимали его основатели.

При капиталистическомъ строѣ распредѣленіе общественнаго до-

хода, т.-е. всѣхъ цѣнностей, создаваемыхъ трудомъ въ данной странѣ, приспособлено прежде всего къ удовлетворенію аппетитовъ господствующихъ классовъ. Вообще, во всякомъ классовомъ обществѣ общественныя группы, стоящія во главѣ производства и обладающія государственною властью, присвоиваютъ себѣ такую долю общественнаго продукта, которую только можно захватить, не подрывая въ корнѣ существованія угнетенныхъ и трудящихся классовъ, этой главной основы созданія всякихъ цѣнностей. Во всякомъ классовомъ обществѣ распредѣленіе національнаго дохода, во-первыхъ, основано на неравенствѣ. Это распредѣленіе является хаотическимъ, стихійнымъ. Каждый классъ получаетъ то, что ему удается урвать изъ общей суммы созданныхъ цѣнностей послѣ ожесточенной борьбы съ другими классами, при чемъ конечный итогъ распредѣленія зависитъ отъ соотношенія силъ между борющимися. Чѣмъ классъ экономически сильнѣй, организованнѣй и ближе къ обладанію аппаратомъ государственной власти, тѣмъ большую долю національнаго дохода удается ему оторвать для себя.

Но и въ капиталистическомъ обществѣ распредѣленіе національнаго дохода связано съ борьбой не только между классами, но и съ борьбой внутри одного класса. Классъ капиталистовъ, предпринимателей, не только борется противъ общаго повышенія заработной платы рабочихъ, но и отдѣльный фабрикантъ стремится побить другого въ отчаянной конкуренціи на рынкѣ. Впрочемъ, организація трестовъ, синдикатовъ и система государственнаго капитализма, сдѣлавшая такіе огромные успѣхи за періодъ міровой войны, означаютъ уже переходъ къ инымъ формамъ распредѣленія, къ распредѣленію національнаго дохода болѣе организованному. Централизація профессіональнаго движенія и система тарифныхъ ставокъ также вносятъ извѣстную организованность въ распредѣленіе съ другой стороны, со стороны продавцовъ рабочей силы.

Коммунизмъ будетъ означать не только равенство въ распредѣленіи, которое будетъ связано съ уничтоженіемъ классовъ и превращеніемъ всѣхъ въ равноправныхъ работниковъ; онъ будетъ означать также сознательное и организованное распредѣленіе общественнаго дохода, распредѣленіе не по силѣ, какъ это происходило раньше, а на совершенно другихъ началахъ.

Казалось, наиболѣе справедливымъ было бы распредѣленіе общественнаго продукта сообразно трудовымъ затратамъ каждаго.

Допустимъ, рабочій работалъ 8 часовъ въ день и получаетъ за это право на такое количество продуктовъ, изготовленіе которыхъ также требуетъ 8 часовъ труда. Каждый рабочій имѣетъ свой отдѣльный счетъ въ книжкѣ и по количеству проставленныхъ тамъ, допустимъ, за мѣсяцъ рабочихъ часовъ, которые онъ отдалъ обществу, онъ имѣетъ право получить отъ общества соотвѣтствующее количество продуктовъ изъ общественныхъ магазиновъ.

Но справедливость такого распредѣленія на самомъ дѣлѣ еще далека отъ истиннаго коммунизма. Тутъ каждый получаетъ то, что далъ, онъ возвращаетъ себѣ обратно, только въ другомъ видѣ, свой трудъ въ количествѣ, равномъ тому, который далъ.

Это еще не коммунизмъ въ области распредѣленія, а еще остатокъ мелкобуржуазной привычки отстаивать свое и отдѣлять его отъ общаго. Люди не родятся равными по силѣ и по способностямъ. Одному 8-часовой рабочій день обойдется легче, чѣмъ другому.

Одному необходимо потреблять больше, другому—меньше.

Одинъ семейный—другой холостой.

Между тѣмъ, предметы потребленія будутъ распредѣляться только на основаніи голыхъ цифръ выработаннаго числа часовъ и не будутъ приниматься во вниманіе другія важныя обстоятельства, связанныя съ размѣромъ потребностей и съ физической силой работника.

Еще менѣе справедливъ способъ распредѣленія продуктовъ въ

зависимости отъ количества выработки, представленнаго каждымъ работникомъ. Разница въ способностяхъ, полученныхъ отъ природы, здѣсь выступитъ еще болѣе ярко, неравенство будетъ весьма большимъ и коммунизмъ распредѣленія будетъ отодвинутъ еще дальше.

Самымъ справедливымъ и истинно коммунистическимъ является лишь такое распредѣленіе, когда каждый членъ общества получаетъ продуктовъ, имѣющихся въ избыткѣ, по своимъ потребностямъ, а имѣющихся въ ограниченномъ количествѣ поровну, вмѣстѣ со всѣми остальными, совершенно независимо отъ того, кто сколько работалъ и сколько сработалъ.

А вырабатывать каждый долженъ столько, сколько можетъ по своимъ силамъ и способностямъ, не истощая себя на работѣ, но и сознательно не работая ниже того минимума, который въ среднемъ установленъ статистикой центральнаго совѣта народнаго хозяйства, (или иной аналогичной организаціей), установленъ какъ минимумъ, выработка ниже котораго связана съ кризисомъ въ народномъ хозяйствѣ и съ недостаткомъ въ потребленіи. Но когда работникъ не будетъ считать строго часовъ выше нормы, то можно будетъ скоро не считать часовъ и ниже нормы, т.-е. вообще не считать часовъ работы каждаго. А это и будетъ значить: каждый даетъ обществу по своимъ силамъ и способностямъ. Въ число этихъ силъ и способностей будетъ входить и чувство самопожертвованія и желаніе принести обществу какъ можно больше пользы, т.-е. всѣ лучшіе соціальные инстинкты и порывы человѣка, которые только при коммунизмѣ въ состояніи пробудиться въ полной мѣрѣ.

Такимъ образомъ, если для мелкаго хозяйчика послѣ окончанія работы, напр. шитья сапогъ, не только не кончается связь со своимъ продуктомъ, а, наоборотъ, только теперь начинается высчитываніе, сколько моего труда въ него вложено и сколько мнѣ удастся за этотъ продуктъ получать, то у рабочаго коммуниста связь съ про-

дуктомъ его труда совершенно теряется послѣ производства. Уже при крупномъ капиталистическомъ производствѣ рабочій, дѣлающій какую-нибудь мелкую часть работы цѣлаго, напр. паровоза, можетъ всего предмета никогда не видѣть въ глаза. Чернорабочій и неденный рабочій часто еще менѣе въ состояніи видѣть и осязать плоды своего труда. Слѣдъ отъ работы остается либо въ рабочей книжкѣ пролетарія, либо въ книжкѣ пріемщика. Но все-таки слѣдъ остается, слѣдъ количества работы. Право, вытекающее изъ этого количества, есть собственность рабочаго, это часть его труда, на которую ему столько же отвѣсятъ другихъ продуктовъ. Наоборотъ, при полномъ коммунизмѣ теряется и этотъ слѣдъ. Работникъ какъ бы вливаетъ свой трудъ въ огромный общественный чанъ, этотъ трудъ ему не принадлежитъ, и изъ этого чана на другомъ концѣ онъ открываетъ кранъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Милліоны вливаютъ свой трудъ, милліоны потребляютъ по своимъ потребностямъ и не считаются съ тѣмъ, далъ ли человѣкъ больше и потребляетъ меньше или сработалъ меньше, а потребилъ больше.

Читатель можетъ сказать: «Все это прекрасно, но мы отъ истиннаго коммунизма теперь очень далеки. Неужели уже теперь можно приступить къ распредѣленію на истинно-коммунистическихъ началахъ?»

Нѣтъ, отвѣтимъ мы, право на истинный коммунизмъ нельзя декретировать, его надо заслужить, до него надо дорасти. И разумѣется, до момента осуществленія полнаго коммунизма человѣчество должно пройти еще нѣкоторый, быть можетъ, довольно продолжительный и предварительный путь. При незакончившейся ломкѣ буржуазныхъ отношеній, при еще менѣе законченной постройкѣ коммунистическаго хозяйства, при многочисленныхъ и глубокихъ, вѣками воспитывавшихся буржуазно-собственническихъ привычкахъ въ средѣ самого рабочаго класса возможно лишь такое распредѣленіе,

которое соотвѣтствуетъ данной ступени развитія. Перепрыгнуть черезъ эту ступень нельзя, черезъ нее надо пройти, поднявшись выше. И мы полагаемъ, что распредѣленіе окажется вещью второстепенной, разъ въ области самого производства дѣло будетъ поставлено на правильные коммунистическіе рельсы. Путемъ жизненнаго опыта, съ одной стороны, вслѣдствіе быстраго роста производительныхъ силъ и избытка запасовъ продуктовъ, съ другой, коммунистическое распредѣленіе неизбѣжно будетъ осуществлено.

Въ настоящій моментъ, еслибъ даже нетрудовые классы были уничтожены, не только мы не имѣли бы экономическаго распредѣленія, а наоборотъ, мы еще стояли бы передъ фактомъ классовой борьбы за наибольшую долю національнаго дохода между рабочими и крестьянами, т.-е. борьбу внутри самихъ трудящихся. Не только кулакъ, но и просто крѣпкій зажиточный крестьянинъ, стремящійся продать муку и другіе продукты деревни какъ можно дороже, противникъ хлѣбной монополіи, онъ противъ учета его хозяйства органами государства. Почему онъ противъ учета?

Если оставить въ сторонѣ просто невѣжество да старую вполнѣ заслуженную непріязнь къ государству, воспитанную въ деревнѣ царизмомъ, средній крестьянинъ противъ учета потому, что онъ ему невыгоденъ, онъ можетъ обнаружить неравенство въ распредѣленіи дохода между рабочимъ и крѣпкимъ крестьяниномъ къ невыгодѣ перваго. Крестьянская же бѣднота можетъ только выиграть отъ сознательнаго и справедливаго (относительно) распредѣленія этого дохода. А распредѣлить справедливо на трудовыхъ началахъ доходъ между крестьяниномъ и рабочимъ—значитъ установить твердыя цѣны на всѣ продукты промышленности такъ, чтобы въ среднемъ, скажемъ, часъ, или день, или мѣсяцъ работы средней напряженности оплачивался приблизительно одинаково.

Такимъ образомъ, въ настоящій моментъ намъ еще очень далеко

до истинно-коммунистическаго распредѣленія. Намъ необходимо на пути къ нему, во-первыхъ, уничтожить всѣ безъ исключенія источники нетрудовыхъ доходовъ, сохранившіеся отъ буржуазнаго общества, введя трудовую повинность для бывшихъ привилегированныхъ классовъ. Затѣмъ необходимо мелкаго хозяйчика превратить въ работника соціалистическаго общества и уничтожить въ корнѣ всякую возможность классовой борьбы внутри трудящихся за наибольшую долю общественнаго дохода. Далѣе на опытѣ массамъ придется убѣдиться въ преимуществахъ истинно-коммунистическаго потребленія. Сначала, напримѣръ, семейные будутъ получать отъ государства добавочное вознагражденіе. Затѣмъ огромное большинство увидитъ на дѣлѣ, что распредѣлять продукты по работникамъ не только несправедливо по отношенію къ семейнымъ и многосемейнымъ, но и нецѣлесообразно. Сегодняшній холостой дѣлается завтра женатымъ, послѣзавтра—семейнымъ. То, что онъ выигрывалъ, будучи одинокимъ, будетъ проигрывать теперь, обзаведшись семьей.

Въ результатѣ, въ выигрышѣ отъ такой системы распредѣленія могутъ оказаться бездѣтные холостяки, т.-е. такая группа, которая не возвращаетъ роду того, что отъ него получили,—не возвращаетъ жизни. Уже теперь во многихъ изъ возникшихъ крестьянскихъ коммунъ намѣчается распредѣленіе на началахъ, близкихъ къ настоящему коммунизму. То, что легко провести въ отдѣльной коммунѣ, трудно, но не невозможно осуществить въ государствѣ-коммунѣ. Въ дальнѣйшемъ, когда станетъ излишнимъ поощрять производительность труда въ отдѣльныхъ коммунахъ и заводахъ особыми преміями за производство выше средней нормы, когда всѣ члены коммунистическаго общества безъ учета часовъ работы въ состояніи будутъ изготовлять въ излишкѣ необходимые продукты, когда накопленіе какихъ бы то ни было запасовъ будетъ абсолютно безполезнымъ и будетъ вызывать лишь смѣхъ—тогда наступитъ время для истинно-коммунистическаго распредѣленія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что осуществленіе коммунистическаго распредѣленія будетъ представлять изъ себя опредѣленный закономѣрный процессъ. Будетъ совершенствоваться коммунистическое производство, будетъ въ связи съ этимъ совершенствоваться и распредѣленіе, будетъ совершенствоваться и человѣкъ въ благодѣтельныхъ условіяхъ общества, уничтожившаго классы. И какъ безсмысленно въ настоящій моментъ мечтать о немедленномъ и потому насильственномъ осуществленіи коммунистическаго переустройства во всемъ хозяйствѣ, даже въ мелкомъ крестьянскомъ, такъ безсмысленно пытаться примѣнить въ настоящую переходную эпоху такую систему распредѣленія, которая свойственна укрѣпившемуся и зрѣлому коммунистическому обществу, воспитавшему на новыхъ началахъ, быть можетъ, не одно поколѣніе людей.

Посмотримъ теперь, какъ мыслится распредѣленіе продуктовъ въ анархическомъ обществѣ.

Анархизмъ, въ лицѣ наиболѣе вліятельныхъ своихъ теоретиковъ, какъ Кропоткинъ, Жанъ Гравъ, Малатеста, Реклю и т. д., высказывается за коммунистическое распредѣленіе на такихъ же основаніяхъ, какъ и коммунизмъ, т.-е. «каждый дастъ обществу по способностямъ, каждый получаетъ отъ общества по потребностямъ».

Но трудность, разумѣется, не въ томъ, чтобы высказать благое пожеланіе, а въ томъ, чтобы провести его въ жизнь. И вотъ тутъ-то анархизмъ запутывается въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ и на практикѣ превращается въ жалкую игрушку въ рукахъ мелкобуржуазной стихіи.

Коммунизмъ не только провозглашаетъ равенство въ распредѣленіи, но и показываетъ, какъ мы видѣли ниже, при какихъ условіяхъ можетъ осуществиться дѣйствительно коммунистическое распредѣленіе. Анархисты находятъ лишнимъ входить въ обсужденіе

того, при какихъ условіяхъ и въ какой постепенности можетъ осуществиться тотъ или иной пунктъ ихъ программы.

Разъ соціальная революція началась, надо стремиться, чтобы каждый заводъ сталъ немедленно самостоятельной коммуной, а потребленіе сразу сдѣлалось коммунистическимъ. Анархисты ждать не любятъ, а Кропоткинъ, напримѣръ, предлагаетъ начать прежде всего съ распредѣленія на коммунистическихъ началахъ, а производство потомъ уже подогнать къ размѣрамъ потребленія. Правда, такой осторожный анархистъ, какъ Малатеста, предостерегаетъ отъ мысли, что коммунистическое распредѣленіе можно осуществить при всякихъ условіяхъ. Онъ находитъ, что для такого распредѣленія люди должны дорасти, что оно требуетъ большой сознательности. Но наши русскіе анархисты не внемлютъ предостереженіямъ Малатесты, потому что всѣ почти принадлежатъ къ партіи «немедленныхъ анархистовъ», за что уже теперь въ достаточной мѣрѣ наказаны, и по заслугамъ.

Спрашивается, какъ можно осуществить распредѣленіе на истинно коммунистическихъ началахъ, когда каждый заводъ превращенъ въ самостоятельную коммуну, когда одна коммуна будетъ находиться въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, другая въ менѣе выгодныхъ (напримѣръ, одинъ заводъ съ усовершенствованной, другой съ отсталой техникой), и когда, наконецъ, всякое принудительное уравниваніе доходовъ анархизмъ считаетъ недопустимымъ насиліемъ?

А кромѣ того, массы перенесены сразу изъ капиталистическаго общества въ анархическое при томъ низкомъ уровнѣ сознательности, въ которомъ ихъ оставилъ развращавшій ихъ и душившій капитализмъ?

Задача, дѣйствительно, неразрѣшимая. Либо анархизмъ долженъ признать неосуществимость своего идеала немедленно во время соціальной революціи и считать неизбѣжными опредѣленныя стадіи

развитія, пока общество дорастетъ до коммунистическаго потребленія, либо ликвидировать возникшее затрудненіе наиболѣе легкимъ способомъ: людей объявить ангелами и всякое предположеніе о томъ, что отдѣльныя группы, превратившись въ мелкихъ буржуйчиковъ, будутъ защищать прежде всего свой групповой интересъ, считать злостной клеветой на трудовой народъ.

Анархисты предпочитаютъ, конечно, второй выходъ, тѣмъ болѣе что онъ удобенъ въ интересахъ пропаганды: когда объявляешь массы ангелами и сверхъ-сознательными чинами общества, это никому не обидно.

Въ дѣйствительности же, еслибъ заводы и фабрики превратились въ моментъ соціальной революціи, напримѣръ, въ Россіи послѣ октябрьскаго переворота, въ самостоятельныя коммуны, то не только не могло бы быть рѣчи о коммунистическомъ распредѣленіи, а наоборотъ: отдѣльныя рабочія группы оказались бы въ положеніи величайшаго неравенства и внутри самого рабочаго класса создалась бы почва для гражданской войны въ самомъ худшемъ ея видѣ, войны отдѣльныхъ группъ работниковъ съ другими изъ-за дѣлежа продуктовъ своего труда. Жизненный примѣръ этого далъ уже практика нашей революціи, какъ будетъ указано ниже.

Иначе и быть не можетъ. Бытіе опредѣляетъ сознаніе людей. Если при капитализмѣ отдѣльные групповые интересы внутри пролетаріата отступали на задній планъ передъ общими интересами всего класса, на который давилъ капиталъ, то съ уничтоженіемъ власти капитала эти групповые, профессіональные интересы должны снова зашевелиться.

При коммунистическомъ хозяйствѣ отдѣльнымъ группамъ работниковъ не будетъ никакой возможности наживаться за счетъ другихъ, потому что распредѣленіе будетъ производиться выбранными большинствомъ рабочихъ органами и будетъ производиться распредѣленіе въ интересахъ подавляющаго большинства.

Не то при анархизмѣ. Каждая самостоятельная коммуна-заводъ можетъ стать твердыней для защиты узкихъ групповыхъ интересовъ именно даннаго завода, а не всѣхъ работниковъ общества, и это поведетъ къ тому неравенству въ распредѣленіи, отъ котораго каждый честный анархистъ долженъ притти въ ужасъ.

Возьмемъ примѣръ. Послѣ революціи передъ нами, допустимъ, будетъ рядъ заводовъ-коммунъ на югѣ и Петроградѣ, рядъ такихъ же заводовъ-коммунъ на Уралѣ. При теперешней техникѣ на большинствѣ заводовъ Урала производительность труда здѣсь въ два-три раза ниже, чѣмъ на югѣ. Поэтому, каждый средній заводъ-коммуна юга будетъ выбрасывать при томъ же рабочемъ днѣ и количествѣ рабочихъ въ два—три раза больше продуктовъ. Допустимъ, далѣе, продукты эти заводскія коммуны обмѣниваютъ на другіе продукты. Кто больше получитъ въ обмѣнѣ, рабочій юга или рабочій Урала?

Рабочій Урала окажется обдѣленнымъ и не по своей винѣ, а потому, что уральскіе хищники-заводчики не заботились о поднятіи техники.

Такимъ образомъ, даже въ одной отрасли промышленности не будетъ равенства въ распредѣленіи. Что ни заводъ, то особая норма выработки и особая норма дохода. Мало того. Отрасли промышленности, наиболѣе важнымъ для всего хозяйства страны, имѣли бы возможность добиться привилегированнаго положенія за счетъ менѣе важныхъ. Такимъ образомъ, не только одинъ рудникъ-коммуна, болѣе богатый рудой или углемъ, чѣмъ другой, давалъ бы большіе доходы работающимъ на немъ, но и вся угольная промышленность въ состояніи была бы обеспечить ея работникамъ, въ цѣломъ болѣе выгодныя условія, чѣмъ другія менѣе важныя отрасли труда.

Положеніе создалось бы здѣсь въ нѣкоторомъ отношеніи даже хуже, чѣмъ при капитализмѣ. При капитализмѣ свободные капиталы имѣли возможность притекать въ ту или иную отрасль промышлен-

ности и привилегированное монопольное положеніе отдѣльныхъ отраслей было почти невозможно. При существованіи свободныхъ анархическихъ заводовъ-коммунъ уничтожить привилегированное положеніе отдѣльныхъ заводовъ и отраслей промышленности, безъ принужденія и организованнаго давленія большинства обираемыхъ, было бы невозможно. Единственное средство—это открывать конкурирующія предпріятія. А на какія средства ихъ открывать? Введете налоги? Но каждый анархистъ долженъ закричать караулъ, потому что налоговая система предполагаетъ государственный аппаратъ.

Составлять добровольные союзы коммунъ, заинтересованныхъ въ уничтоженіи монополіи?

Это возможно. Но невозможно ничѣмъ удержать тѣхъ же углекоповъ и желѣзнодорожниковъ, чтобы они не начали борьбы съ тѣми союзами, которые подкапываются подъ ихъ монопольное положеніе. Борьба можетъ привести къ возсозданію уничтоженной анархистами власти, которая попадетъ той сторонѣ, которая окажется сильнѣе, и закрѣпитъ ея побѣду. Въ лучшемъ случаѣ, монопольныя организаціи штыками и другими способами сумѣютъ отстоять свое монопольное привилегированное положеніе, если большинство будетъ бояться провести свое рѣшеніе путемъ организованнаго давленія и въ результатѣ свобода для меньшинства окажется насиліемъ и ограниченіемъ для большинства. Однимъ будетъ свободно и просторно только потому, что другимъ будетъ тѣсно.

Что анархо-синдикализмъ на практикѣ ведетъ лишь къ выдѣленію привилегированныхъ группъ въ рабочемъ классѣ, къ обкрадыванію однихъ слоевъ рабочихъ другихъ, къ усиленію низко-собственническихъ привычекъ, объ этомъ ярко говоритъ хотя бы примѣръ Черемховскихъ копей. На этихъ копяхъ анархисты получили преобладаніе, и результаты не замедлили сказаться. Черемховскіе рабочіе объявили копи «своими», выступили противъ всякой націонализаціи

ковой и провели въ жизнь такой «коммунизмъ» въ области распредѣленія, отъ котораго стали дыбомъ волосы у всѣхъ идейныхъ анархистовъ. Они назначили цѣну за «свой» уголь въ 60 коп. пудъ и отказались давать уголь иначе, какъ за наличныя, хотя бы сибирская дорога стала вслѣдствіе отсутствія угля. Домогательства черемховскихъ анархистовъ пришлось удовлетворить, чтобы не остановить Сибирскую ж. д., и въ результатѣ углекопъ Черемхова сталъ зарабатывать 50 руб. въ день, въ то время какъ средняя плата въ другихъ отрасляхъ труда и другихъ мѣстахъ была въ 5 разъ ниже.

Вотъ примѣръ того «коммунистическаго распредѣленія», къ которому на дѣлѣ ведетъ превращеніе отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ въ самостоятельныя коммуны. Рабочіе Черемхова, вызвавшіе своими хищническими наклонностями протесты самихъ анархистовъ, поступили вполнѣ по рецепту своихъ учителей. Во-первыхъ, немедленно превратили копи въ самостоятельную «коммуну» и притрозили взорвать шахты, если рабочая власть вздумаетъ ихъ соціализировать. Затѣмъ они вступили въ добровольное «соглашеніе» съ желѣзной дорогой и установили «коммунистическое распредѣленіе». И когда анархисты возмущаются своими усердными учениками, проводящими въ жизнь ихъ программу, то они обвиняютъ рабочихъ въ томъ, въ чемъ виноватъ анархизмъ. Нетрудно провозгласить немедленно коммунистическое распредѣленіе. Не умно возмущаться, когда на дѣлѣ получается обирательство одной группой рабочихъ всей массы трудящихся. Еще менѣе умно переносить свое возмущеніе не на свою бездарность и неспособность понять связь между способомъ производства и способомъ распредѣленія, а на рабочихъ, которыхъ сами же анархисты, и отнюдь не по винѣ рабочихъ, считаютъ ангелами, способными въ каждый данный моментъ осуществить анархизмъ.

Въ противоположность анархистамъ коммунисты подвигаются впередъ къ дѣйствительно коммунистическому распредѣленію не та-

кимъ путемъ, что объявляютъ эту задачу пустяковой, а массы вполнѣ доросшими до ея осуществленія. Они начинаютъ съ того, что объявляютъ задачу трудной, берутъ массы такими, какія онѣ есть въ дѣйствительности, и намѣчаютъ путь, который ведетъ къ цѣли отнюдь не въ зависимости отъ благочестивыхъ пожеланій отдѣльныхъ группъ трудящихся.

Коммунистическое распредѣленіе можетъ и должно осуществиться, какъ неизбѣжный результатъ коммунистическаго производства на его высшей ступени. Тогда коммунистами въ распредѣленіи будутъ не только лучшія и сознательныя группы—по желанію, но и сами люди съ мелкобуржуазными наклонностями—по необходимости, если только вообще эта наслѣдственная болѣзнь будетъ тогда встрѣчаться.

Классовая основа анархизма.

Каждое ученіе, каждая теорія имѣютъ довольно ничтожное значеніе, пока остаются удѣломъ немногихъ лицъ. Когда эти немногія лица увеличиваютъ число своихъ сторонниковъ и образуется болѣе или менѣе значительная партія, то уже тогда ученіе измѣняетъ обыкновенный свой видъ. Когда же образовавшаяся партія начинаетъ искать поддержки у массъ и такую поддержку встрѣчаетъ, въ большинствѣ случаевъ программа при проведеніи ея въ жизнь мѣняется до неузнаваемости. Собственно, самый печатный листокъ, гдѣ эта программа напечатана, можетъ перепечатываться и безъ измѣненія, но тактика партіи, т.-е. ея практическая дѣятельность, часто ведетъ не къ цѣли, означенной въ программѣ, а въ другомъ, часто въ совсѣмъ противоположномъ направленіи. Происходитъ это отъ того, что программа партіи, или чаще опредѣленные лозунги, выброшенные на основаніи программы, по своему усвоиваются и приспособляются массами къ своимъ интересамъ даннаго момента.

Партія изъ руководительницы массъ превращается въ поставщика мыслей и аргументовъ, оправдывающихъ то или иное дѣйствіе массы въ данный моментъ. Мнящіе себя руководителями дѣлаются приказчиками массъ и часто, изъ опасенія быть развѣнчанными, превращаются въ слѣпое оружіе своего хозяина, интересамъ котораго они служатъ.

Нужно различать, поэтому, во всякомъ ученіи, во всякой программѣ двѣ стороны: бумажную, показную, и жизненную, дѣловую. Самъ по себѣ соціализмъ есть, напримѣръ, программа труда, стремящагося къ освобожденію отъ капитала. По соціализмъ въ рукахъ Шейдемановъ, Самба, Черновыхъ—это провокація пролетаріата на бойню въ интересахъ германскаго имперализма, съ одной стороны, и англо-французскаго, съ другой, это прикрываніе подлостей и звѣрства капитализма красной матеріей соціалистическаго знамени.

Анархизмъ самъ по себѣ, какъ ученіе, есть рядъ пожеланій о переустройствѣ общества на новыхъ началахъ, при чемъ пунктъ о ликвидаціи государства отнюдь не расходится съ той линіей, по которой идетъ общественное развитіе послѣ ликвидаціи капиталистическаго господства. Но анархизмъ, попавшій въ крѣпкія руки общественныхъ слоевъ, выжимающихъ изъ него, какъ изъ лимона, то, что нужно на нынѣшній день, превращается въ свою противоположность.

И, разсуждая объ анархизмѣ, приходится критиковать не только то, что написано въ брошюрахъ анархистовъ, но и изучать, какъ эти брошюры подвергаются критикѣ массъ, идущихъ за анархистами. Потому что для несостоятельнаго ученія нѣтъ болѣе жестокой и сокрушительной критики, чѣмъ попытка осуществить его на дѣлѣ.

Мы разсмотрѣли въ главныхъ чертахъ всѣ книжныя пожеланія анархистовъ. Въ заключеніе необходимо посмотрѣть, кому на практикѣ служатъ анархизмъ, интересы какихъ группъ находятъ въ немъ

свою защиту и въ частности интересы какихъ группъ вынужденъ былъ защищать анархизмъ въ ходѣ нашей революціи.

Въ Западной Европѣ, какъ это давно уже отмѣчено въ соціалистической литературѣ, анархизмъ пользовался всегда наибольшимъ распространеніемъ въ странахъ по преимуществу мелкобуржуазныхъ, какъ Франція, Италія, Швейцарія, Россія и наименьшимъ—въ странахъ крупнокапиталистическихъ, съ многочисленнымъ фабричнымъ пролетаріатомъ, какъ Германія, Англія, Бельгія. Въ Америкѣ анархизмъ пользуется успѣхомъ, главнымъ образомъ, среди эмигрантовъ Европы. Далѣе. Въ одной и той же странѣ обыкновенно анархизмъ пользовался большимъ успѣхомъ среди рабочихъ ремесленной и мелкокапиталистической промышленности и наименьшимъ—въ крупнокапиталистическихъ предпріятіяхъ. Отмѣчено затѣмъ всюду и вездѣ усиленіе анархическихъ настроеній въ годы промышленныхъ кризисовъ и безработицы. Установлено усиленіе анархизма въ періодъ упадка и разложенія революціи въ Россіи въ 1906—8 годахъ и въ періодъ упадка октябрьской революціи приблизительно послѣ заключенія Брестскаго мира.

Вотъ факты и наблюденія, не подлежащіе никакому сомнѣнію. Что говорятъ эти факты?

Эти факты говорятъ о какой-то связи анархизма съ мелкобуржуазнымъ фундаментомъ, говорятъ и о связи его съ группами населенія, выбитыми изъ колеи, какъ безработные, съ деклассированными, т.-е. оторвавшимися отъ опредѣленнаго класса, какъ люмпенпролетаріатъ, особенно люмпенпролетаріатъ (босяцкій пролетаріатъ) періода революціи.

Но нельзя на основаніи отмѣченнаго выше сказать, что анархисты—партія мелко-буржуазнаго класса, партія люмпенпролетаріата или партія безработныхъ. Анархизмъ на дѣлѣ не является ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, исключительно, а бываетъ и тѣмъ, и другимъ и третьимъ при извѣстныхъ условіяхъ.

Почему въ анархизмѣ много мелкобуржуазнаго?

Потому что анархизмъ противъ всякой государственной власти, мелкій же буржуа, особенно разоряющійся, тоже настроенъ противъ государства. Мелкая буржуазія есть классъ, который неспособенъ осуществить свою диктатуру, власть не держится долго въ рукахъ этого класса и, если вырвана изъ рукъ дворянства, дѣлается добычей либо крупной буржуазіи, либо пролетаріата.

Но государственная власть, находящаяся въ рукахъ крупнаго капитала, ведетъ политику, которая бьетъ за шиворотъ мелкаго буржуа и способствуетъ его пролетаризаціи. Съ другой стороны, пролетарская власть не поддерживаетъ и не укрѣпляетъ мелкаго самостоятельнаго хозяйства, когда оно разоряется, а когда мелкій буржуа старается нажиться за счетъ другихъ трудящихся, очень рѣшительно одергиваетъ его. Въ отношеніи къ государственной власти мелкій буржуа—анархистъ по самому своему классовому положенію, особенно въ періодъ, когда положеніе мелкаго хозяйства дѣлается совершенно безнадежнымъ.

Почему люмпенпролетаріатъ склоненъ къ анархизму? Потому что эта общественная группа стремится прежде всего къ коммунизму въ области распредѣленія (все твое—мое), не заботясь о производствѣ. Анархизмъ же предлагаетъ какъ разъ начинать осуществленіе равенства съ распредѣленія. Босяку это и нужно, на этотъ промежутокъ времени онъ убѣжденнѣйшій анархистъ, когда же дѣло дойдетъ до производства, то можно будетъ сказать анархистамъ и до свиданія.

По тѣмъ же причинамъ усиливается склонность къ анархизму въ моменты острой безработицы. Для малосознательныхъ группъ безработныхъ, находящихся въ критическомъ положеніи, гораздо интереснѣй вопросъ о томъ, какъ сейчасъ улучшить свое положеніе, какъ сейчасъ добиться перераспредѣленія имѣющихся въ странѣ запасовъ продовольствія, чѣмъ задумываться надъ задачей уничтоже-

чія всего капиталистическаго строя и безработицы вообще. Вотъ поэтому-то анархизмъ, упирающій на распредѣленіе, и здѣсь находитъ сторонниковъ, особенно потому, что онъ не чуждъ всегда авантюризма въ этомъ отношеніи и совѣтуетъ массамъ брать тамъ, гдѣ можно брать. А между тѣмъ ясно, что распредѣленіе имѣющагося запаса продуктовъ есть лишь частность при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ ликвидаціей капитализма, и никакого захвата запасовъ капиталистическаго общества и распредѣленія ихъ произвести нельзя, не доведя до конца политическую часть революціи, т.-е. не вырвавъ власть изъ рукъ буржуазіи. Въ этомъ отношеніи соблазнъ болѣе легкаго пути, который указываютъ анархисты, на дѣлѣ увлекъ бы на путь еще болѣе длинный и не довелъ бы массы до хлѣба.

Во время упадка первой русской революціи успѣхи анархизма среди нѣкоторой части пролетаріата, ремесленниковъ и пролетарской интеллигенціи объяснялись такъ. Борьба за низверженіе царизма кончилась неудачно. Организованнымъ путемъ захвата власти массамъ не удалось улучшить свое положеніе. И когда началось бѣгство врассыпную, когда каждый пытался улучшить свое положеніе, не добившись улучшенія положенія всего класса, когда начался періодъ экспропріаціи, анархизмъ явился весьма кстати для оправданія подобныхъ выступленій. Устраивавшимъ экспропріаціи казалось, что они борются противъ капитала и царизма, что они наступаютъ на врага, въ то время какъ въ дѣйствительности эти выступленія кучками и въ интересахъ кучекъ означали бѣгство отъ революціи: они могли задѣвать отдѣльныхъ капиталистовъ и агентовъ самодержавной власти, но не были нисколько опасны классовому господству капиталистовъ и помѣщиковъ вообще.

Въ революціи 1917—18 годовъ анархизмъ сначала не имѣетъ никакого вліянія. Онъ сталъ усиливаться по мѣрѣ роста безработицы

по мѣрѣ того, какъ росли не только тяжести жизни для трудящихся классъ, но и уменьшалась возможность организованнымъ путемъ быстро облегчить эти тяжести вслѣдствіе наступленія мірового капитала на русскую революцію. Послѣ Бреста, т.-е. послѣ отступленія русской революціи передъ германскимъ имперіализмомъ, когда приходилось рабочимъ массамъ сжиматься, крѣпко организовываться вокругъ совѣтовъ, вводить строгую дисциплину и подчинять групповые интересы общимъ—въ этотъ періодъ анархизмъ сталъ пользоваться значительнымъ успѣхомъ. Посмотримъ, какія группы вплялись за анархизмъ или, вѣрнѣе, за отдѣльные лозунги анархизма въ этотъ періодъ упадка революціи и начала организаціоннаго строительства.

Совѣтская власть проводитъ націонализацію заводовъ, т.-е. передачу орудій производства въ руки класса производителей, а не въ руки отдѣльныхъ кучекъ класса.

Анархизмъ выступаетъ за передачу завода и фабрики рабочимъ данаго завода и фабрики. Наименѣе сознательная, наиболѣе зараженная собственническими привычками часть рабочихъ поддерживаетъ въ этомъ пунктѣ анархизмъ не ради анархическаго коммунизма, какъ разъ напротивъ: ради улучшенія своего положенія за счетъ остальной массы трудящихся. Здѣсь анархизмъ опирается, такимъ образомъ, на мелкаго буржуа изъ рабочей среды, на собственника и стяжателя по психологіи.

Совѣтская власть стремится провести трудовую дисциплину, смыслъ которой сводится къ слѣдующему: производство далеко отстало отъ потребленія, продуктовъ не хватаетъ, необходимо поднять производительность во что бы то ни стало. Изъ положенія есть два выхода: либо побѣда капитала, если мы окажемся неспособными справиться съ организаціей производства и поднятіемъ производительныхъ силъ, либо мы поднимемъ производство, введя трудовую дис-

циплину сами и спасемъ пролетаріатъ отъ несчастья увеличивать производство подъ разстрѣломъ Скоропадскихъ, подъ нагайкой казака и подъ плетью голода. Только между этими двумя путями и идетъ борьба.

Какую же изъ сторонъ поддерживалъ анархизмъ?

Своей демагогической борьбой съ трудовой дисциплиной онъ на дѣлѣ поддерживалъ Скоропадскихъ и Рябушинскихъ, потому что препятствовалъ коммунистическимъ путемъ рѣшить то, что при данныхъ условіяхъ иначе можно рѣшать плеткой Скоропадскихъ. Анархизмъ опирался на самыя безсознательныя группы рабочихъ, которые стремились поменьше работать и побольше получать даже въ соціалистическихъ предпріятіяхъ.

Получать цѣнности, не создавая взамѣнъ чего-либо равноцѣннаго, значитъ грабить тѣхъ рабочихъ другихъ заводовъ, которые работаютъ добросовѣстно. И здѣсь анархизмъ оказался выразителемъ мѣщанскихъ интересовъ, отсталыхъ группъ рабочаго класса, потому что весь классъ трудящихся въ концѣ-концовъ потребляетъ то, что производитъ, и не заинтересованъ въ пониженіи производительности труда: весь классъ самъ себя обкрадывать не можетъ, а потому и не можетъ протестовать противъ трудовой дисциплины, увеличивающей количество продуктовъ въ рукахъ трудящихся.

Идемъ дальше. Совѣтская власть старается на дѣлѣ осуществить хлѣбную монополію, а также взять на учетъ хозяйство мелкаго буржуа города и деревни. Эта операція очень невыгодна мелкому хозяйчику, потому что не даетъ ему возможности спекулировать на голодѣ и наживаться на счетъ остальной трудовой массы. (Если-бы каждый мелкій хозяинъ имѣлъ средній трудовой доходъ, ему нечего было-бы бояться контроля.)

Анархисты, какъ и коммунисты, за справедливое и равномѣрное распредѣленіе хлѣба, которое въ странѣ не налажено или не

тается въ обрѣзъ. Провести это распредѣленіе въ данное время есть одно средство—государственная хлѣбная монополія. Безъ государственнаго аппарата, въ частности безъ организованнаго насилія, провести эту мѣру нельзя. Анархисты, возстающіе противъ всякой власти и, въ частности, Совѣтской, получаютъ живѣйшую поддержку со стороны спекулянтовъ изъ мелкой буржуазіи, которая тоже противъ Совѣтской власти, лишающей ихъ возможности обирать голодающихъ и поступиться собственными запасами. И здѣсь, такимъ образомъ, анархистовъ поддерживаютъ элементы, защищающіе самые низменные, мѣшочные интересы.

Война и революція создала затѣмъ довольно многочисленныя группы людей, оторвавшихся отъ своего класса и отъ производительнаго труда и не желающихъ, либо не могущихъ по какимъ-либо причинамъ войти снова въ колею трудовой жизни. Сталкиваясь съ организованной силой политическаго совѣтскаго государства, осуществляющаго и реквизицію и конфискацію всякаго рода по опредѣленному плану и въ интересахъ распредѣленія между всѣми нуждающимися по опредѣленной нормѣ, эти группы становятся къ нему въ оппозицію и защищаютъ свое право неорганизованныхъ набѣговъ нерѣдко подъ флагомъ анархизма. Что такой «анархизмъ» представляетъ изъ себя лишь свободу расхищенія и связанъ съ желаніемъ уклониться отъ контроля и ограниченія въ доходахъ, уклониться отъ производительной работы—это ясно само собой.

На почвѣ упадка революціи развивается также мелкобуржуазное стремленіе урвать побольше для себя, не задумываясь о томъ, что будетъ завтра со всей арміей трудящихся. Это также очень благопріятная почва для анархизма, потому что первымъ препятствіемъ, съ которымъ встрѣчаются хапатели всѣхъ рантовъ и степеней, является пролетарская власть. Мы имѣемъ здѣсь передъ собой въ сущности

такое же дезертирство отъ революціи, какимъ были анархическія экспропріаціи періода упадка первой революціи.

Дезертирскій характеръ анархизма *) выступаетъ не только въ экономической, но и политической области. На Совѣтскую Россію наступаетъ не дезорганизованный, а, наоборотъ, крѣпко организованный міровой капиталъ съ великолѣпнымъ военнымъ аппаратомъ, хотя и находящимся уже въ начальной стадіи разложенія. Сопротивленіе этому врагу должно быть тоже строго организованнымъ. Въ борьбѣ необходима дисциплинированная армія на фронтѣ, какъ дисциплинированная армія производителей въ тылу. Каждому придется дѣлать не то, **что онъ хочетъ**, и не столько, **сколько онъ хочетъ**, и не такъ, **какъ онъ хочетъ**, а то, сколько и какъ нужно дѣлать въ интересахъ всей борьбы въ цѣломъ. Протестовать противъ такой организованной борьбы и отстаивать право лично рѣшить, какъ бороться—значитъ дезертировать отъ трудностей борьбы и ставить себя политически въ такое же привилегированное положеніе (напримѣръ, самостоятельно дѣйствующій анархическій отрядъ самостоятельно рѣшаетъ не только о наступленіи, но и **объ отступленіи**), въ какомъ находится экономическій черемховскій рабочій, объявившій копи своими и «свободно» добывающійся платы въ пять разъ выше средней, въ какомъ находится мѣшочникъ, добивающійся провоза **своего** хлѣба и **своей** персоны **для себя**, хотя бы это мѣшало наладить продовольственное дѣло для милліоновъ другихъ, для всей страны.

Богатую пищу для анархизма даетъ, наконецъ, недовольство всякой властью, даже и чисто трудовой народной, если ей прихо-

*) Дезертирство по всему фронту классовой борьбы вовсе не исключаетъ личной храбрости отдѣльныхъ лицъ и группъ. Экспропріація можетъ быть очень храбро проведена, но отъ этого экспропріаторство не перестаетъ быть бѣгствомъ врассыпную отъ основныхъ задачъ революціи.

дится руководить страной при условіяхъ, ухудшающихся независимо отъ воли какой бы то ни было власти. Власть оказывается виновной и въ послѣдствіяхъ существованія царизма, и въ послѣдствіяхъ войны, и въ экономической отсталости и т. д. И если многіе изъ измученныхъ тяжестью жизни трудовыхъ обывателей кричатъ: «долой Совѣтскую власть»—они кричатъ на дѣлѣ: «долой дороговизну жизни, долой безтоварье, долой голодъ, долой безработицу», и къ великому огорченію анархистовъ первые закричатъ—«да здравствуетъ Совѣтская власть», если отчасти благодаря ей, отчасти по совершенно инымъ причинамъ появятся товары и хлѣбъ и падетъ дороговизна.

Такимъ образомъ, классовая основа анархизма является крайне ненадежной, шаткой, мѣняется отъ случая къ случаю и всѣ успѣхи анархизма крайне поверхностны и временны. И во всякомъ случаѣ мелкобуржуазный элементъ въ анархизмѣ на дѣлѣ почти всегда преобладаетъ надъ пролетарскимъ.

Тактика анархистовъ.

Въ заключеніе намъ приходится остановиться въ нѣсколькихъ словахъ на тактикѣ анархистовъ, т.-е. на тѣхъ способахъ, которыми они пытаются осуществить свои цѣли.

Тактика въ революціонное время имѣетъ колоссально важное значеніе. Часто очень демократическая и соціалистическая программа партіи остается лишь пустой вывѣской, а на дѣлѣ партія прямо или косвенно помогаетъ контръ-революціи, либо укрѣпляетъ существующій буржуазно-монархическій режимъ. Примѣръ соціалъ-патріотовъ европейскихъ и русскихъ у всѣхъ передъ глазами.

Что касается анархистовъ, то и у нихъ тѣ цѣли, которыя они себѣ ставятъ, и всѣ ихъ благія пожеланія не находятся ни въ какомъ

соотвѣтствіи съ практическими результатами ихъ дѣятельности. Это особенно нужно сказать про русскихъ анархистовъ, которые какъ разъ въ наиболѣе тяжелые моменты для русской революціи гораздо больше вредили ей, чѣмъ наносили удары буржуазному строю.

Со стороны тактики всѣхъ анархистовъ приблизительно можно раздѣлить на три группы: 1) мирныхъ анархистовъ, противниковъ всякаго насильственнаго достиженія своихъ цѣлей; 2) сторонниковъ соціальнаго переворота, признающихъ лишь массовую борьбу и отрицающихъ индивидуальный терроръ, отдѣльные налеты на капиталъ и всѣ пріемы аналогичной «пропаганды дѣйствіемъ»; 3) сторонниковъ и массовой революціонной борьбы, признающихъ и политическій индивидуальный терроръ и экономическій, и экспропріаціи, и отдѣльныя конфискаціи и т. д.

Что касается мирныхъ анархистовъ толстовскаго типа, анархистовъ-мистиковъ и всѣхъ анархистовъ съ религіознымъ уклономъ мысли, то буржуазно-дворянскій и интеллигентскій характеръ анархизма этого сорта настолько очевиденъ, что остальныя теченія анархизма сами отмежевываются отъ непротивленцевъ. Объ ихъ тактикѣ намъ поэтому излишне говорить, потому что эта брошюра не есть научное изслѣдованіе объ анархизмѣ. Мы будемъ поэтому говорить въ дальнѣйшемъ лишь объ анархистахъ, признающихъ революціонные методы борьбы для достиженія своихъ цѣлей.

Всѣмъ теченіямъ анархизма свойственно отрицаніе къ политической борьбѣ и стремленіе сосредоточить все вниманіе на борьбѣ экономической.

Что основной цѣлью борьбы пролетаріата является именно экономическое освобожденіе и что вообще всегда борьба за экономическое переустройство общества является для борющагося класса основной цѣлью, а захватъ государственной власти представляетъ лишь средство для этого, объ этомъ отмѣтили научнаго коммунизма

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ знали раньше анархистовъ и именно у нихъ тотъ же Бакунинъ учился (хотя и не доучился) матеріалистическому пониманію исторіи.

Но наши великіе учителя, провозгласивъ великую истину, пре достерегали отъ превращенія ея въ полуистину путемъ признанія только части ея. Экономическое переустройство общества на новыхъ пусть даже анархическихъ началахъ, требуетъ разрушенія государства, созданнаго эксплуататорскими классами, и использованія политической власти пролетаріатомъ для окончательнаго подавленія своихъ враговъ.

А организованная борьба съ капиталомъ за его уничтоженіе силами пролетаріата какъ класса и есть политическая борьба, какія бы формы она ни принимала.

Когда мы въ дореволюціонную эпоху имѣли дѣло съ буржуазнымъ парламентомъ, мы боролись съ буржуазнымъ строемъ, используя для политической борьбы, между прочимъ, и парламентъ. Мы говорили рабочимъ: если вы не въ силахъ это учрежденіе разогнать вы должны въ него выбирать, чтобы не терять лишней возможности сплотить свои силы и использовать парламентскую трибуну для пропаганды и организаціи. И если оппортюнисты и лжесоціалисты всѣхъ мастей достаточно постарались для того, чтобъ извратить затушевать истинный смыслъ нашего участія въ парламентской борьбѣ своимъ парламентскимъ кретинизмомъ, если они доставили благодарный матеріалъ для анархической критики, то достигнутыми нами въ борьбѣ за наши цѣли результаты въ этотъ періодъ нисколько отъ этого не уменьшаются. Они помогаютъ намъ теперь въ нашихъ побѣдахъ, они помогутъ европейскимъ рабочимъ въ ихъ побѣдахъ, потому что въ числѣ прочихъ [illegible]твъ участіе въ парламентской борьбѣ сыграло свою роль въ дѣлѣ классоваго воспитанія пролетаріата и способствовало росту его соціалистической сознательности

И въ настоящій моментъ участіе нашихъ товарищей въ европейскихъ парламентахъ, какъ бы мало ихъ тамъ ни было, играетъ большую роль въ дѣлѣ агитаціи за пролетарскую революцію, и эта агитація съ трибуны дополняетъ работу подпольнаго листка и тайныхъ собраній. Для иллюстраціи достаточно будетъ напомнить объ одномъ примѣрѣ—объ историческомъ выступленіи въ парламентѣ тов. Либкнехта противъ войны въ 1914 г., произведшемъ такое огромное впечатлѣніе на рабочія массы. Косвенно сами анархисты совершенно неожиданнымъ образомъ признали правильность нашего участія въ парламентѣ **въ цѣляхъ пропаганды соціализма тѣмъ,** что проходятъ въ совѣты и участвуютъ на Всероссійскихъ съѣздахъ совѣтовъ **для пропаганды анархизма.** Они пошли въ своемъ «парламентскомъ увлеченіи» такъ далеко, что даже очутились одно время въ Центральномъ исполнительномъ комитетѣ совѣтовъ.

Когда мирный періодъ въ Россіи кончился и политическая борьба приняла форму непосредственной борьбы за власть пролетаріата, отрицательное отношеніе анархистовъ къ организованной классовой борьбѣ и къ диктатурѣ пролетаріата осудило ихъ на очень жалкую роль въ эпоху великаго переворота. Доказывать несостоятельность тактики анархистовъ въ пунктѣ о политической борьбѣ послѣ опыта двухъ нашихъ революцій является дѣломъ совершенно лишнимъ. Доказательство заключается уже въ самомъ фактѣ побѣды февральской и октябрьской революціи. Эти революціи побѣдили какъ разъ благодаря захвату власти въ первомъ случаѣ буржуазнымъ блокомъ, во второмъ—блокомъ пролетаріата и деревенской бѣдноты. Если бы допустить на минуту, что въ нашей революціи массы пошли бы за анархистами и согласились на великій постъ въ вопросѣ о власти, то онѣ потерпѣли бы жестокое пораженіе въ схваткѣ съ имущими классами. Имѣя передъ собой распыленную массу, пусть даже и разбившую временно государственный аппаратъ эксплуататоровъ, буржуа-

зія очень быстро собрала бы свои силы въ государственномъ масштабѣ и, не имѣя противъ себя такого же объединенія пролетарскихъ силъ, вновь согнула бы въ бараній рогъ трудящіяся классы.

Всякій рабочій знаетъ теперь, что наиболѣе сильные удары экономическому господству капитала были нанесены не до, а послѣ октября, т.-е. послѣ завоеванія пролетаріатомъ власти. Завоевавъ диктатуру, пролетаріатъ получилъ возможность организованно душить капиталъ, душить буржуазный строй оптомъ. Въ то время какъ отказъ анархистовъ разрушать и добивать буржуазный строй путемъ использованія пролетарской государственной власти осуждаетъ ихъ пощипывать его въ розницу, путемъ конфискаціи отдѣльныхъ особняковъ, путемъ единичныхъ контрибуцій и т. д.,—точно такъ же и раньше, въ первую революцію, отказъ отъ борьбы за власть закрывалъ для анархистовъ дѣйствительный путь къ побѣдѣ и толкалъ на путь мелкихъ набѣговъ на отдѣльныхъ капиталистовъ, на терроръ противъ отдѣльныхъ агентовъ самодержавнаго режима. Что подобная тактика способна запугать лишь отдѣльныхъ капиталистовъ, убрать отдѣльныхъ агентовъ власти и нисколько не колебletъ эксплуататорскаго строя въ цѣломъ, это доказали анархическія выступленія и въ революцію 1905 г. и въ настоящую революцію. Но анархистамъ, поскольку они остаются анархистами, ничего другого не остается дѣлать, организовать трудящіяся массы для побѣды они неспособны органически и не было еще примѣра въ исторіи и не будетъ, чтобъ анархизмъ когда-либо способенъ былъ одержать крупную побѣду надъ капиталомъ.

Убожество анархической тактики выступаетъ съ полной очевидностью, когда необходимо осуществить какую-либо мѣру, требующую организованнаго натиска на капиталъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы трудовую повинность для буржуазіи, повинность, агитируя за которую анархисты стараются выглядѣть лѣвѣй и радикальнѣй боль-

новыковъ-коммунистовъ. Можетъ ли анархизмъ осуществить эту мѣру, если бъ ему предоставили полную свободу дѣйствій?

Смѣшно даже ставить такой вопросъ. Анархистамъ гораздо легче истребить всѣхъ людей съ буржуазной комплекціей, истребить все населеніе буржуазныхъ кварталовъ, чѣмъ провести трудовую повинность для класса буржуазіи. Для осуществленія этой мѣры въ настоящій моментъ нужна всеобщая профессіональная статистика, необходимо проведеніе до конца хлѣбной монополіи, нужна система рабочихъ книжекъ въ государственномъ масштабѣ, организація товарообмѣна съ уничтоженіемъ денежныхъ знаковъ. А всѣ эти мѣропріятія предполагаютъ существованіе пролетарскаго государства и его центральныхъ экономическихъ органовъ, т.-е. такого аппарата, котораго анархисты чураются, какъ чумы.

Возьмемъ соціализацію домовъ. Эта мѣра отчасти проведена и можетъ быть проведена до конца организованною лишь органами совѣтской власти. Смогли ли бы ее осуществить анархисты? Реквизиціей отдѣльныхъ первыхъ попавшихся особняковъ они показали, съ какого конца они приступили бы къ дѣлу и сколь блестящимъ былъ бы конечный результатъ.

Но анархизмъ не только не опасенъ для капитализма, какъ системы, но нерѣдко въ теченіе нашей революціи своей тактикой и пріемами своей агитаціи опредѣленно содѣйствовалъ успѣхамъ контръ-революціи. Онъ никогда не умѣлъ соразмѣрять нападки на пролетарскую власть и на буржуазію такъ, чтобъ отъ его агитаціи больше вреда было буржуазному строю, чѣмъ революціи и совѣтской власти. Въ тягчайшіе моменты для революціи, когда борьба шла не между Совѣтскою властью и безвластіемъ, а между совѣтами и властью Скоропадскихъ, анархисты усердно занимались натравливаніемъ массъ на совѣтскіе органы и выполняли часть политической работы эксплуататоровъ. Во время чехо-словацкаго мятежа, когда въ тылу

совѣтскихъ войскъ контръ-революціонеры подготовляли рядъ возстаній и въ этомъ духѣ обрабатывали массы на митингахъ, анархисты поддерживали общій хоръ голосовъ, кричавшихъ противъ совѣтской власти, глубокомысленно полагая, что тутъ побѣждаетъ идея анархизма, а не дѣло Дутовыхъ.

Неудивительно, что на одномъ собраніи буржуазныхъ политиковъ въ Петроградѣ, какъ сообщалось въ свое время въ газетахъ (см. «Извѣстія Ц. И. К.»), на анархистовъ возлагались контръ-революціонерами большія надежды въ дѣлѣ разложенія совѣтской власти и предполагалось использовать эту разрушительную работу для окончательной побѣды буржуазной диктатуры.

Подводя итоги, приходится признать, что анархизмъ игралъ въ Россіи роль школы, гдѣ рабочіе обучались искусству терпѣть пораженія на всѣхъ фронтахъ борьбы съ капиталомъ, и врядъ ли ему, такъ глубоко обанкротившемуся въ нашей великой революціи, суждено въ дальнѣйшемъ имѣть хоть какое-либо вліяніе на пролетарскія массы. Второй разъ продѣлывать всѣ его ошибки и нелѣпые пріемы борьбы не захочетъ больше ни одна сколько-нибудь значительная группа рабочаго класса. Анархизмъ не стоитъ того, чтобъ за право обученія его несостоятельности приходилось платить такъ дорого.

Библіотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, уг. Рыбникова пер., д. 8.
Петроградъ, Поварской пер., д. 2. кв. 9, 10 и 11. Телеф. 227-42.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 1. Всеволодъ Гаршинъ. СИГНАЛЪ. Разсказъ. Съ 3 рис. художн. **И. Гурьева.** Ц. 15 к.
№ 2. Его-же. СКАЗКА О ГОРДОМЪ АГГЕѢ. Цѣна 10 коп.
№ 3. Его-же. ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО. Цѣна 10 коп.
№ 4. Его-же. ЛЯГУШКА - ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Разсказъ. Цѣна 10 коп.
№ 5. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ. Съ 4 рисунками художн. **И. Гурьева.** Ц. 35 к.
№ 6. Его-же. КАХЕТИНКА. Съ 3 рисунками художн. **И. Гурьева.** Цѣна 10 к.
№ 7. Его-же. КОНОКРАДЪ. Цѣна 20 к.
№ 8. Его-же, ПО ТЕЧЕНІЮ. Цѣна 25 к.
№ 9. Его-же. ИНТРИГА. Съ рис. художн. **И. Гурьева.** Ц. 7 к.
№ 14. Его-же. ОТЕЦЪ ПАМФИЛЪ. Съ 2 рис. художн. **И. Гурьева.** Ц. 25 коп.
№ 35. М. Ю. Лермонтовъ. Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Съ 4 рис. художн. **И. Гурьева.** Цѣна 10 коп.
№ 36. Его-же. УЗНИКЪ и другія стихотворенія, съ портретомъ автора, рисованнымъ имъ самимъ. Цѣна 10 коп.
№ 37. Его-же. МЦЫРИ. Съ 5 рисунками художника **И. Гурьева.** Цѣна 10 коп.
№ 38. Его-же. АШИКЪ-КЕРИБЪ. Турецкая сказка. Съ 3 рисун. художника **И. Гурьева.** Цѣна 10 коп.
№ 56. Германъ Вагнеръ. ФИНИКОВАЯ РОЩА.—САХАРНЫЙ ТРОСТНИКЪ.—ХЛѢБНОЕ ДЕРЕВО. Съ рис. Цѣна 10 коп.
№ 57. Его-же. БАМБУКЪ.—РЕЗИНА,—ХЛОПЧАТАЯ БУМАГА.—Съ рисунками. Цѣна 10 коп.
№ 58. Анатоль Франсъ. УЛИЧНЫЙ ТОРГОВЕЦЪ. Съ 4 рис. художника **И. Гурьева.** Цѣна 35 коп.
№ 59. Н. Шевлягина. ДУРНАЯ БОЛѢЗНЬ или СИФИЛИСЪ. Цѣна 30 коп.
№ 61. Н. Э. Сумъ. ПОЧЕМУ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО НЕЛЬЗЯ ПИТЬ ДЕНАТУРИРОВАННЫЙ СПИРТЪ, ПОЛИТУРУ И ОДЕКОЛОНЪ? Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.
№ 62. Г. Гольденбергъ. БЕЛЬГІЯ. Цѣна 15 коп.
№ 63. М. Ю. Лермонтовъ. ДЕМОНЪ. Съ 6 рисунками художн. **И. Гурьева.** Цѣна 25 коп.
№ 64. Его-же. ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ и другія стихотворенія. Съ портретомъ автора, его матери и отца. Цѣна 10 коп.

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, уг. Рыбникова пер., д. 8.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Телеф. 227-422.

№ 65. М. Ю. Лермонтовъ. ИЗМАИЛЪ-БЕЙ. Съ рисунк. художника **И. Гурьева.** Цѣна 40 коп.

№ 66. Его-же. БЭЛА. Съ 6 рисунками художника **И. Гурьева.** Цѣна 25 коп.

№ 67. Его-же. МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ. Съ 3 рисунк. художника **И. Гурьева.** Цѣна 10 коп.

№ 68. Его-же. ТАМАНЬ. Съ 5 рисунками художника И. Гурьева. Цѣна 8 коп.

№ 88. Демьянъ Бѣдный. ДИВО-ДИВНОЕ и другія сказки. Съ 22 рисунками художника **И. Гурьева.** Цѣна 25 коп.

№ 89. Его-же. ПИРОГЪ ДА БЛИНЪ. Съ рисунками художника **Замирайло.** Цѣна 30 коп.

№ 90. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. САМОХОДКА. Съ 4 рис. художника **И. Гурьева.** Цѣна 30 коп.

№ 93. А. Н. Татарчуковъ. БИРЖА ТРУДА. Цѣна 50 коп.

№ 94. І. Гауле. КАКЪ ДѢЙСТВУЮТЪ СПИРТНЫЕ НАПИТКИ НА ЧЕЛОВѢКА. Цѣна 15 коп.

№ 95. Отто Рункъ. ХИРУРГЪ. Съ 3 рисунками художника **И. Гурьева.** Цѣна 30 коп.

№ 101. М. Ю. Лермонтовъ. БѢГЛЕЦЪ. Съ 3 рисунками художника **И. Гурьева.** Цѣна 4 коп.

№ 102. ПРОГРАММА И УСТАВЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ. Цѣна 15 коп.

№ 103. В. М. Величкина. БОРЕЦЪ ЗА СВОБОДУ. (Вильгельмъ Вейтлингъ). Цѣна 20 коп.

№ 104. А. Коллонтай. РАБОТНИЦА-МАТЬ. Цѣна 25 коп.

№ 105. ПѢСНИ РЕВОЛЮЦІИ. Съ нотами. Цѣна 25 коп.

№ 106. Изгнанникъ. НА РУБЕЖѢ СВОБОДЫ. Цѣна 30 коп.

№ 107. В. П. Милютинъ. ЗАЧѢМЪ НАМЪ НУЖНА ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА. Цѣна 20 коп.

№ 108. И. В. Чернышевъ. ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО. Цѣна 25 коп.

№ 109. Авг. Бебель. ПРОФЕССІОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ. **Пер. М. Ольгина подъ ред. В. Величкиной.** Цѣна 50 коп.

№ 110. Карлъ Каутскій. ПАТРІОТИЗМЪ, ВОЙНА И СОЦІАЛДЕМОКРАТІЯ. **Перев. В. Величкиной.** Цѣна 35 коп.

№ 111. Н. Ленинъ. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ въ РОССІИ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРІАТА. Цѣна 30 коп.

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, 8. (уг. Рыбн. п.).
Москва, 2-й домъ Совѣтовъ (Театральная площ.).
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.
Петроградъ, Литейный пр., д. 48

Сочиненія М. Горькаго.

Томъ X. Кн. I-я. Жизнь ненужнаго человѣка. 1 р. 50 к.
Томъ X. Кн. II-я Жизнь ненужнаго человѣка. 3 „ — „
Томъ XI. Городокъ Окуровъ . . . . . 1 „ 50 „
Томъ XII. Матвѣй Кожемякинъ. Часть I. . . . 3 „ — „
Томъ XIII. Матвѣй Кожемякинъ Часть II. . . . 3 „ — „
Томъ XIV. Лѣто. . . . . 2 р. 25 к.
Томъ XV. Мать. Кн. I и II по 3 „ — „
Томъ XVI. Пожаръ . . . 2 „ 25 „
Томъ XVII. Сказки . . . 2 „ 25 „
Томъ XVIII. Хозяинъ.— Три дня. . . . . 2 „ 50 „
Томъ XIX. По Руси . . . 2 „ 50 „
Томъ XX. Дѣтство. . . . 3 „ — „
О писателяхъ-самоучк. . — „ 40 „

Семенъ Юшкевичъ. (Полное собраніе сочиненій).

Томъ I. Распадъ . . . 2 р. — к.
Томъ II. Ита Гайне . . 3 „ — „
Томъ III. Евреи . . . . 4 „ — „
Томъ IV. Наши сестры. 3 „ — „
Томъ V. Прологъ . . . 5 „ — „
Томъ VI. Невинные . . 5 „ — „
Томъ VII. Въ городѣ . . 4 „ 50 „
Томъ VIII. Очерки дѣтства 2 „ — „
Томъ IX. Комедія брака 3 „ — „
Томъ X. Драма въ домѣ 5 р. 25 к.
Томъ XI. Вышла изъ круга . . . . 3 „ — „
Томъ XII. Голуби. . . . 3 „ — „
Томъ XIII. Леонъ Дрей. Часть I. . . . 3 „ — „
Томъ XIV. Леонъ Дрей. Часть II. . . 2 „ — „
Томъ XV. Челов. воздуха 2 „ — „

Сочиненія А. М. Ѳедорова.

Весенній вѣтеръ. . . . . 2 р. — к.
Утро . . . . . 2 „ — „
Паутина. . . . . 2 „ — „
Камни. . . . . 2 „ — „
Сила крови . . . . . 2 р. — к.
Подвигъ . . . . . 2 „ — „
На востокъ . . . . . 2 „ — „
Стихотворенія. . . . . 2 „ — „

Книги Владимира Бончъ-Бруевича.

Знаменіе времени (Убійство Андрея Ющинскаго и дѣло Бейлиса. . . . . 2 р. к.
Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ . . . . . 9 „ — „
Къ исторіи русскаго духоборчества . . . . . 5 „ — „
Новый Израиль . . . . . 5 „ — „
Среди сектантовъ . . . . 5 „ — „
Изъ міра сектантовъ . . . 5 „ — „
Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Т. I-3 р.; т. II-3 р.; т. III-3 р.; т. IV — 7 р.; т. V — 6 р.; т. VII — 10 р.
Избранныя произведенія русской поэзіи. Сборникъ лучшихъ стихотвореній отъ Пушкина и до нашихъ дней. Въ Сборникъ вошли 823 произведенія, 232 авторовъ. 5-е изд. Ц. 3 р. Родныя пѣсни. Ц. 1 р.

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, 8 (уг. Рыбн. п.).
Москва, 2-ой домъ Совѣтовъ (Театральная площ.).
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.
Петроградъ, Литейный пр., д. 48

Отдѣлъ подъ общимъ завѣдываніемъ

И. Степанова,

при участіи **Н. Бухарина, П. Дауге, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, Н. Ленина, Н. Лукина, А. Луначарскаго, Н. Мещерякова, В. Оболенскаго, М. Ольминскаго, В. Орловскаго, М. Покровскаго, В. Смирнова, Ю. Стеклова и др.**

К. МАРКСЪ и Ф. ЭНГЕЛЬСЪ. Собраніе сочиненій.

Все изданіе—близкое къ полному собранію сочиненій—составитъ до 28 томовъ по 25—30 листовъ (400—500 стр. большого формата). Въ это юбилейное изданіе войдутъ какъ всѣ работы, появившіяся до сихъ поръ въ Германіи и Англіи отдѣльными изданіями, такъ и работы, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ.

Въ настоящее время печатаются и подготовлены къ печати:

Томъ I. **Ф. Мерингъ.** К. Марксъ. Исторія его жизни.
Томъ II. **К. Марксъ** „Нищета философіи“ и Критика политической экономіи.
Томъ III. **К. Марксъ и Ф. Энгельсъ.** Собраніе историческихъ работъ „Борьба классовъ во Франціи“. „18-е брюмера“. „Революція и контръ-революція въ Германіи“. „Марксъ передъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ“. „Разоблаченіе о кельнскомъ процессѣ коммунистовъ“. „Гражданская война во Франціи“.
Томъ IV—VII. **К. Марксъ.** „Капиталъ“. Томъ I—III.
Томъ VIII. **Ф. Энгельсъ.** „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ и „Крестьянская война въ Германіи“.
Томъ IX. **Ф. Энгельсъ.** „Анти-Дюрингъ“ и „Происхожденіе семьи, частной собственности и государства“.

Приняты мѣры для ускоренія печатанія.

Вышелъ и поступилъ въ продажу томъ V. („Капиталъ“, томъ II), заканчивается печатаніемъ. Томъ IV („Капиталъ“, томъ I, по новому ком. изд., переработанному К. Каутскимъ).